

ВИОЛЕТТА
ВЕЧНА

РАЗВОД С АЛЬФОЙ.
МОЯ ВОЛЧИЦА
ВЫБРАЛА ДРУГОГО

Виолетта Весна

**Развод с альфой. Моя
волчица выбрала другого**

«Автор»

2026

Весна В.

Развод с альфой. Моя волчица выбрала другого / В. Весна —
«Автор», 2026

На девятую годовщину свадьбы муж-альфа объявил перед всей стаей, что нашел истинную. Мою младшую сестру. Девять лет я была его женой и Луной. Девять лет слышала, что без волчицы не могу быть ему равной. Теперь Ратмир требует развод и предлагает деньги за молчание. Я ухожу. Но во время разрыва брачной печати происходит невозможное: моя волчица просыпается и выбирает другого. Кая Норда — опасного альфу Северного Предела, которого мой бывший муж ненавидит. Кай предлагает защиту, но у него свои тайны. А Ратмир внезапно теряет силу. Ведь все эти годы его могущество питалось моей магией. Теперь бывший хочет вернуть меня любой ценой. Даже если ради этого придется провести запрещенный обряд, который может меня убить. Только на этот раз за свою жизнь я буду бороться сама.

Содержание

Глава 1. Подарок на годовщину	5
Глава 2. Волчица, которая молчала	34
Глава 3. Дом чужого альфы	77
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Виолетта Весна

Развод с альфой. Моя волчица выбрала другого

Глава 1. Подарок на годовщину

Место моей младшей сестры за праздничным столом передвинули, пока я проверяла поставку лекарств для восточного поселения.

Я заметила это не сразу.

В большом зале Серебряного Бора царил привычный предпраздничный беспорядок. Слуги расставляли бокалы, флористы спорили над высотой композиций, кто-то из поваров требовал немедленно вернуть на кухню пропавший поднос. Через распахнутые двери тянуло холодным октябрьским воздухом.

На длинном столе лежали карточки с именами приглашенных.

Я прошла вдоль них, мысленно сверяя рассадку, и остановилась возле центральных кресел.

Справа от места Ратмира стояла карточка с именем Элины.

Моя находилась через три прибора.

Я подняла обе карточки, проверила обратную сторону, словно надеялась обнаружить ошибку, и позвала управляющую.

— Агата, кто изменил рассадку?

Она подошла слишком быстро. Будто все это время наблюдала за мной из противоположного конца зала.

— Господин альфа распорядился утром.

— Ратмир?

— Да, госпожа.

— Почему меня не предупредили?

Агата посмотрела на карточку в моей руке.

Ей было пятьдесят с небольшим. В нашем доме она работала задолго до моего замужества, знала каждую трещинку на старой лестнице и совершенно не умела притворяться, когда ей было страшно.

Сегодня она боялась.

— Я думала, господин сам вам скажет.

— Когда?

Управляющая промолчала.

Я посмотрела на центральное кресло с высокой резной спинкой. Именно там девять лет назад сидела я, впервые появившись на официальном ужине в качестве жены альфы. Тогда мне было двадцать четыре, и я так нервничала, что нечаянно опрокинула бокал на скатерть.

Ратмир рассмеялся, накрыл мою ладонь своей и сказал, что теперь у старейшин хотя бы появился повод обсуждать что-то интереснее погоды.

Я любила вспоминать тот вечер.

Наверное, поэтому так долго не замечала, насколько сильно изменились наши отношения.

— Верните карточки на прежние места, — попросила я.

Агата не двинулась.

— Госпожа...

Я повернулась к ней.

— Что?

— Господин альфа просил ничего не менять.

В зале раздался звон разбитого стекла. Молоденький слуга выругался себе под нос и тут же испуганно оглянулся.

Я положила карточку Элины обратно.

— Тогда оставьте, как он распорядился.

— Может быть, я принесу вам чай?

— Не нужно.

— Вы сегодня почти не ели.

— Я поем на ужине.

Она кивнула, хотя по лицу было видно, что не поверила.

Я пошла к выходу, чувствуя неприятное давление у основания черепа.

Голова болела с самого утра.

Последние месяцы такие приступы случались все чаще. Особенно после того, как Ратмир проводил очередное укрепление защитных границ. Наш целитель уверял, что дело в переутомлении, советовал больше спать и меньше заниматься хозяйственными заботами.

Совет был превосходный.

Оставалось найти человека, который согласился бы заниматься ими вместо меня.

Девятую годовщину нашей свадьбы я готовила почти месяц.

Хотя слово «свадьба» в приглашениях мы давно не использовали. Официально это называлось празднованием годовщины союза альфы и Луны Серебряного Бора.

Ратмир любил торжественные формулировки.

Я любила его.

Когда-то мне казалось, что этого вполне достаточно.

В своей комнате я остановилась перед зеркалом. На спинке кресла лежало темно-синее платье, которое я выбрала две недели назад.

Не слишком открытое, с мягким вырезом и длинными рукавами из тонкой полупрозрачной ткани. Платье красиво облегало фигуру и делало мои серо-зеленые глаза ярче.

Я купила его сама.

Раньше Ратмир любил выбирать мне одежду. Мог вернуться из поездки с платьем, украшением или совершенно неподходящими туфлями, которые приходилось потом тайком менять.

В последнее время он перестал замечать, что на мне надето.

Я сняла домашний халат и долго рассматривала себя в зеркале.

Тридцать три года.

Ни морщин, ни седины, ни других признаков той ужасной старости, о которой иногда говорили дамы нашего круга, у меня пока не наблюдалось.

Длинные каштановые волосы, тонкая талия, полная грудь. Я никогда не считала себя некрасивой.

И все-таки последние месяцы, одеваясь к ужину, ловила себя на том, что пытаюсь угадать, какая именно женщина могла бы снова заинтересовать моего мужа.

Моложе?

Светловолосая?

Обязательно с волчицей?

Последняя мысль причиняла больше всего боли.

Моей волчицы не существовало.

По крайней мере, за тридцать три года я так и не услышала ее голос.

У большинства оборотней внутренний зверь пробуждался в подростковом возрасте. Иногда позже. К двадцати годам молчание считалось почти окончательным приговором.

Я не могла обратиться.

Не умела чувствовать чужих волков.

Не обладала той природной силой, которую так высоко ценили в нашем обществе.

Много лет назад Ратмир сказал, что это не имеет значения.

Мы сидели тогда на берегу лесного озера. Он держал мои промокшие ладони в своих и смеялся над тем, как неудачно я пыталась развести костер.

«Мне нужна ты, Мира. Не твоя волчица».

Я поверила.

А через семь лет брака услышала, как он объяснял одному из старейшин, что отсутствие полноценной Луны значительно осложняет управление стаей.

Не знаю, заметил ли он тогда меня в дверях.

Я сделала вид, что ничего не слышала.

Наверное, именно в тот день следовало впервые спросить себя, что происходит с нашим браком.

Вместо этого я начала работать еще больше.

— Госпожа?

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге появилась молодая служанка с небольшой коробкой.

— Это доставили из мастерской господина Вейса. Просили передать вам лично.

Я мгновенно забыла о неприятных мыслях.

— Спасибо, Лиза. Поставь на стол.

Когда девушка вышла, я открыла коробку.

На темном бархате лежали старые мужские часы.

С виду ничего особенного. Серебристый корпус, кожаный ремешок, небольшая царапина возле заводной головки.

Когда-то Ратмир носил их постоянно.

Это были часы его отца, погибшего во время пограничного столкновения. Еще до нашей свадьбы Ратмир повредил механизм, и несколько мастеров отказались его восстанавливать.

Потом появились другие часы. Дорогие, красивые, гораздо более подходящие могущественному альфе.

Но я помнила, как однажды он показал мне старые и сказал, что отдал бы половину состояния, лишь бы услышать их ход.

Пять месяцев назад я случайно узнала о мастере, способном работать со старинными механизмами.

Пришлось ехать в Белый Уступ, искать редкие детали и несколько раз лично проверять результат.

Теперь секундная стрелка двигалась.

Тихо, размеренно.

Я приложила часы к уху.

Тик-так.

От этого простого звука стало неожиданно тепло.

Может быть, сегодня вечером мы снова сумеем поговорить.

Не об охране границ. Не о политических союзах. Не о проблемах стаи.

О нас.

Я закрыла коробку и спрятала ее в нижний ящик туалетного столика.

Ратмир появился в наших покоях за двадцать минут до начала приема.

Я услышала его шаги еще в коридоре.

Когда-то умела узнавать их среди десятков других. Сейчас тоже узнала, но вместо радости почему-то почувствовала напряжение.

Он вошел без стука.

Высокий, широкоплечий, в черном костюме с серебряной вышивкой на воротнике. Темные волосы были аккуратно уложены, на запястье сверкали новые часы.

Мой муж оставался очень красивым мужчиной.

У него были правильные черты лица, тяжелый внимательный взгляд и та природная уверенность, которая заставляла окружающих уступать дорогу прежде, чем он успевал что-либо попросить.

В первые годы нашего брака я гордилась, когда он входил в зал и сразу находил меня глазами.

Сегодня он сначала посмотрел на часы.

— Ты еще не готова?

Я застегнула серьгу.

— Почти.

— Гости уже собираются.

— Прием начинается в семь.

— Сейчас без двадцати.

— Именно.

Он снял перчатки и положил на стол возле двери.

— Не начинай, Мира.

Я посмотрела на него через зеркало.

— Что не начинать?

— Спорить из-за мелочей.

— Я просто сказала, сколько времени.

Ратмир потер переносицу.

Он выглядел уставшим. Под глазами залегли тени, на подбородке появилась едва заметная щетина.

Мне захотелось подойти и прикоснуться к его лицу.

Я даже сделала шаг.

— У тебя опять болит голова?

Он поднял взгляд.

— При чем здесь моя голова?

— Ты выглядишь усталым.

— Сегодня был сложный день.

— На западной границе?

— На всех границах, Мирослава.

Полным именем он называл меня, когда раздражался.

Я остановилась.

— Я разговаривала с управляющим восточных поселений. У них заканчиваются лекарства, но поставка уже пришла. Завтра отправлю обоз.

— Хорошо.

— И еще две семьи нужно переселить до холодов. У старых домов просели крыши.

— Займись этим.

Он говорил, не глядя на меня.

Впрочем, именно этим я занималась последние девять лет.

— Ратмир, я хотела спросить...

Он повернулся.

— Что еще?

Я помедлила.

— Почему ты изменил рассадку за праздничным столом?

На мгновение его лицо стало совершенно неподвижным.

— Тебе не понравилось?

— Я хотела бы сидеть рядом с мужем в нашу годовщину.

— Не преувеличивай. Между нами всего несколько кресел.

— Тогда почему нельзя оставить все как было?

Он подошел к столу, взял графин с водой, налил себе полный стакан.

— Элина должна сидеть ближе к центральным гостям.

— Почему?

— Потому что я так решил.

Я почувствовала, как знакомая тяжесть опустилась куда-то под ребра.

— Она моя сестра, Ратмир. Если ты хочешь оказать ей особое внимание, я не против.

Но можно было хотя бы предупредить.

Муж резко поставил стакан.

Вода выплеснулась на полированную поверхность.

— Мне нужно согласовывать с тобой каждую карточку на столе?

— Нет.

— Тогда зачем этот разговор?

Я смотрела на него и не понимала, как мы опять оказались здесь.

Любой вопрос превращался в обвинение.

Любое мое недовольство — в попытку оспорить его власть.

Я открыла рот, собираясь объяснить, что совсем не это имела в виду, но вовремя остановилась.

Сколько раз я уже произносила подобные объяснения?

— Хорошо, — сказала я.

Ратмир слегка расслабился.

— Вот и прекрасно.

Он посмотрел на мое платье.

Впервые за весь разговор.

— Ты собираешься надеть именно это?

Я машинально провела ладонью по ткани.

— Да. Почему?

— Ничего.

— Тебе не нравится?

— Нормальное платье.

Раньше он говорил, что синий цвет делает мои глаза похожими на лесное озеро перед грозой.

Наверное, такие сравнения надоедают после девяти лет брака.

Я отвернулась к зеркалу.

— Сегодня девять лет, Ратмир.

— Я помню.

— Я приготовила тебе подарок.

— Мира...

В его голосе прозвучало не раздражение.

Что-то другое.

Я обернулась.

Муж смотрел на меня так, словно я сказала нечто очень неуместное.

— Что?

Он отвел глаза.

— Поговорим после приема.

— О подарке?

— Обо всем.

У меня похолодели пальцы.

— Что-то случилось?

Ратмир подошел к двери.

— Сегодня вечером ты все узнаешь.

— Что узнаю?

— Не сейчас.

Он вышел.

Я осталась стоять посреди спальни, слушая, как удаляются его шаги.

Потом вернулась к зеркалу и поправила волосы.

Мне почему-то очень хотелось снять платье.

Первой из гостей я встретила Элину.

Она стояла возле парадной лестницы и разговаривала с молодым воином из личной охраны Ратмира.

Моя младшая сестра всегда умела привлекать внимание.

В двадцать пять лет она обладала той легкой, почти беззаботной красотой, которой я иногда завидовала в юности. Светлые волосы, голубые глаза, пухлые губы и тонкая фигурка.

Сегодня на ней было бордовое шелковое платье с глубоким вырезом и открытыми плечами.

Я узнала его.

Три недели назад Элина прислала мне фотографии из магазина в Белом Уступе и попросила помочь с выбором.

Тогда я посоветовала другое, более светлое.

Она рассмеялась и сказала, что бордовое слишком вызывающее для такого торжества.

Теперь оно сидело на ней великолепно.

— Мирочка!

Сестра заметила меня и почти побежала навстречу.

Она обняла меня, окутав сладкими духами.

— Ты невероятно выглядишь!

— Спасибо.

— Нет, правда. Очень красиво.

Элина отступила и оглядела меня с ног до головы.

— Только ты выглядишь бледной. Опять не спала?

— Работы много.

— Тебе нужно больше отдыхать.

Я невольно улыбнулась.

За последние сутки этот совет прозвучал уже в третий раз.

— Постараюсь.

Она поправила локон у виска.

На ее запястье блеснул тонкий серебряный браслет.

— Я так волнуюсь сегодня, — сказала сестра.

— Из-за чего?

— Не знаю. Просто важный вечер.

— Для меня с Ратмиром, надеюсь?

Элина на мгновение замерла.

Затем засмеялась.

— Конечно, глупая!

Она взяла меня за руки.

— Ты ведь знаешь, как я тебя люблю?

Мне стало не по себе.

— Знаю.

Это было правдой.

По крайней мере, еще утром я не усомнилась бы в ответе.

Мы выросли в разных домах, но после смерти нашей общей бабушки стали гораздо ближе. Мне было шестнадцать, когда отец впервые привез восьмилетнюю Элину к нам на лето.

Она тогда боялась темноты и приходила спать ко мне, волоча за собой огромного тряпичного зайца.

Я читала ей сказки.

Учила заплетать косы.

Заступалась, когда старшие девочки дразнили ее за слишком громкий смех.

Повзрослев, мы не всегда понимали друг друга, но я никогда не сомневалась, что у меня есть сестра.

Год назад Элина попросила разрешения пожить некоторое время в нашем гостевом крыле. Ее небольшое дело с тканями прогорело, и ей требовалось восстановить финансовое положение.

Я настояла, чтобы Ратмир разрешил ей остаться.

Он тогда не возражал.

Более того, неожиданно охотно согласился.

Сейчас я вспомнила об этом.

И почему-то стало холодно.

— Элина, — тихо спросила я, — ты знаешь, что Ратмир собирается объявить сегодня вечером?

Сестра выпустила мои руки.

— Объявить?

— Он сказал, что я кое-что узнаю.

Она отвела взгляд на лестницу.

— Может, приготовил сюрприз?

— Ты что-нибудь знаешь?

Элина улыбнулась.

Но теперь ее улыбка казалась натянутой.

— Если это сюрприз, я же не могу его испортить.

— Значит, знаешь.

— Мирочка, перестань допрашивать меня. Сегодня праздник.

Она поцеловала меня в щеку и поспешила к группе гостей, появившихся у входа.

Я смотрела ей вслед.

Несколько секунд.

Потом заставила себя отвернуться.

Нельзя подозревать близкого человека только потому, что муж ведет себя странно.

Тем более в годовщину свадьбы.

К восьми часам зал был полон.

Из Серебряного Бора приехали старейшины и главы крупных семей. Присутствовали представители соседних стай, несколько торговых союзников и военные советники Ратмира.

Над столами горели сотни маленьких светильников, закрепленных на тонких серебряных цепях.

Музыканты играли у дальней стены.

Пахло жареным мясом, хвоей и свежими цветами.

Все выглядело именно так, как я задумала.

Я обходила гостей, улыбалась, принимала поздравления и старалась не думать о том, что Ратмир ни разу за вечер ко мне не подошел.

Он находился возле камина.

Рядом с ним стояла Элина.

Они разговаривали с председателем совета старейшин.

Мой муж что-то сказал, и сестра рассмеялась, запрокинув голову.

Он смотрел на нее.

Я знала этот взгляд.

Когда-то Ратмир так смотрел на меня.

— Госпожа Мирослава?

Меня окликнула пожилая женщина в темно-зеленом платье.

Госпожа Вирт, вдова одного из бывших советников, протянула мне руку.

— Прекрасный праздник. Как всегда.

— Спасибо.

— Вы сумели сделать этот дом по-настоящему уютным.

Она задержала мою ладонь в своей.

Чуть дольше, чем требовали приличия.

— Желаю вам сил, дорогая.

Я улыбнулась.

— Для приготовления следующего праздника?

Она не улыбнулась в ответ.

— Для всего.

После этого госпожа Вирт поспешила к подруге, словно сказала лишнее.

Я проводила ее взглядом.

Слова показались странными.

Но гораздо страннее было то, как несколько гостей посмотрели на меня, когда я проходила мимо.

С жалостью.

Некоторые быстро отворачивались.

Одна из молодых женщин даже попыталась взять меня под руку, но передумала.

Я остановилась возле окна.

За стеклом медленно раскачивались темные ели.

В свете садовых фонарей кружились первые редкие снежинки.

Снег в октябре случался у нас нечасто.

Я достала телефон и проверила сообщение от управляющего восточным поселением. Он подтвердил, что больному мальчику удалось сбить температуру.

Я ответила, что утром отправлю дополнительные лекарства.

Только после этого почувствовала себя немного лучше.

По крайней мере, существовали вещи, которые я понимала.

Люди болели — им нужна была помощь.

Дома разрушались — их требовалось чинить.

Если кто-то не мог прокормить семью, следовало разобраться, почему не хватает работы или продовольствия.

С человеческими бедами обычно можно было что-то сделать.

С молчанием мужа я не справлялась.

— Луна Мирослава.

Ко мне подошел старейшина Глеб, сухощавый мужчина с аккуратно подстриженной седой бородой.

Я убрала телефон.

— Добрый вечер.

Он поклонился.

— Хотел поблагодарить вас за помощь семьям на южном тракте. Последние поставки пришли вовремя.

— Это заслуга работников складов.

— Они говорят иначе.

Я улыбнулась.

Глеб помедлил.

— Вы сегодня разговаривали с альфой?

Я насторожилась.

— Конечно.

— О предстоящих изменениях?

Мне показалось, что музыка стала громче.

— Каких изменениях?

Старейшина посмотрел мне за плечо.

Я обернулась.

Ратмир стоял возле камина.

Элина положила руку ему на предплечье.

Глеб негромко выругался.

— Простите меня, госпожа.

— За что?

Он не ответил.

Просто поклонился и отошел.

Я осталась одна.

И впервые за этот вечер почувствовала настоящий страх.

За ужином я сидела через три места от мужа.

Между нами находились представитель торгового союза, его супруга и Элина.

Сестра сидела непосредственно справа от Ратмира.

Я несколько раз ловила себя на том, что смотрю на их руки.

Он подавал ей бокал.

Поправлял салфетку.

Наклонялся, когда она что-то говорила.

Обычные знаки внимания.

Такие не замечаешь, пока мужчина уделяет их тебе.

Когда перестает — каждое движение становится болезненно заметным.

Супруга торгового представителя рассказывала мне о новых тканях, привезенных с юга.

Я кивала, отвечала, даже задавала вопросы.

Позднее не смогла бы повторить ни единого слова нашего разговора.

Ратмир поднялся после подачи десерта.

Музыка стихла.

Гости повернулись к нему.

Я тоже выпрямилась.

Он стоял во главе стола, высокий и уверенный, с бокалом в руке.

Свет серебряных ламп подчеркивал резкие линии его лица.

Я вдруг вспомнила день нашей свадьбы.

Он был счастлив тогда.

Я не сомневалась.

Даже сейчас, когда он смотрел куда-то поверх моей головы, я не могла поверить, что все хорошее между нами было неправдой.

— Друзья, — начал Ратмир. — Сегодня для Серебряного Бора особенный вечер.

По залу прокатился одобрителный гул.

— Девять лет назад я заключил союз, который определил целую эпоху жизни нашей стаи.

Несколько человек подняли бокалы.

Мое сердце болезненно сжалось.

Может быть, я зря тревожилась.

Может быть, он действительно задумал что-то важное и хотел сохранить интригу до последнего момента.

Я почти улыбнулась.

— За эти годы многое изменилось, — продолжил муж. — Мы укрепили границы, расширили торговлю, сделали Серебряный Бор одной из самых влиятельных стай.

Он говорил о достижениях.

О нашей силе.

О будущем.

Но ни разу не посмотрел на меня.

— Однако каждый альфа знает, что истинное могущество невозможно без правильного союза.

Я перестала дышать.

Ратмир поставил бокал.

— Долгое время я считал, что исполнение долга требует от меня отказаться от того, что сама Луна предназначила каждому оборотню.

Он сделал паузу.

Мне захотелось встать.

Почему-то именно встать, хотя никакой разумной причины для этого не было.

— Я уважал женщину, которая была рядом со мной все эти годы.

Была.

Он сказал именно так.

В прошедшем времени.

— Но иногда долг оказывается несовместим с волей судьбы.

Я посмотрела на Элину.

Сестра сидела неподвижно, сложив руки на коленях.

Она не смотрела на меня.

— Недавно мне стало известно, что моя истинная пара находится гораздо ближе, чем я предполагал.

В зале установилась тишина.

Кто-то осторожно поставил бокал на стол.

Ратмир протянул руку.

К моей сестре.

Элина поднялась.

Я увидела, как ее пальцы легли в ладонь моего мужа.

В ту самую ладонь, которую я сжимала девять лет назад перед алтарем.
— Перед вами моя истинная, — объявил Ратмир. — Элина Ветрова.
Мир не остановился.
Музыка не заиграла сама собой.
Стекла не разбились.
Ничего не произошло.
Просто где-то у дальней стены кто-то шумно вдохнул.
А я продолжала сидеть.
И смотреть на мужа, который держал за руку мою младшую сестру.
— Наш союз с Мирославой будет расторгнут согласно древнему закону, — произнес Ратмир. — Церемония состоится через два дня.
Я услышала эти слова словно из соседней комнаты.
Через два дня.
Он уже назначил дату.
Он обсудил все со старейшинами.
Пригласил свидетелей.
Поменял рассадку гостей.
И оставил меня последней, кто должен был узнать.
Элина подняла лицо.
На ее груди блеснул серебряный свет.
На мгновение между их соединенными руками протянулась тонкая светящаяся нить.
Гости ахнули.
Кто-то прошептал:
— Лунный отклик...
Я знала, что это означало.
Так проявлялась истинная связь.
По крайней мере, именно это говорили древние книги, которые я читала в юности.
Я смотрела на серебряную нить, пока та не исчезла.
В висках вдруг сильно застучало.
Боль прошла через затылок к шее, и я машинально ухватила за край стола.
— Мирослава?
Женщина справа коснулась моего локтя.
— Вам нехорошо?
Я посмотрела на нее.
Она была бледнее меня.
— Нет, — ответила я.
Голос оказался удивительно спокойным.
Женщина убрала руку.
Ратмир продолжал говорить.
— Я понимаю, что подобные изменения способны вызвать вопросы. Но интересы стаи должны оставаться превыше личных чувств.
Он посмотрел на меня.
Впервые за весь вечер.
— Мирослава заслуживает уважения за годы служения Серебряному Бору. Я обеспечу ей достойное содержание и спокойное будущее.
Вот тогда я наконец поняла.
Не только то, что муж изменил.
Не только то, что выбрал мою сестру.
Я поняла, зачем он произносил эту речь перед двумя сотнями гостей.

Ему требовалось, чтобы все увидели: он принял решение.
Чтобы никто не посмел усомниться в его правоте.
Чтобы мое унижение стало официальной церемонией.
А мне оставалось улыбнуться, поклониться и поблагодарить за щедрость.
Я сняла салфетку с коленей и медленно поднялась.
На меня сразу посмотрели десятки людей.
Ратмир заметно напрягся.
— Мирослава, — произнес он предупреждающе.
Я не ответила.
Сначала посмотрела на сестру.
— Элина.
Она вздрогнула.
— Мирочка...
— Как давно?
В зале кто-то закашлялся.
Ратмир нахмурился.
— Это не тот вопрос, который следует обсуждать здесь.
Я повернулась к нему.
— Тогда зачем ты решил обсуждать здесь наш развод?
Несколько гостей опустили глаза.
Муж стиснул челюсти.
— Не устраивай сцену.
— Я задала вопрос.
— Мирослава.
— Как давно ты спишь с моей сестрой, Ратмир?
В полной тишине этот вопрос прозвучал куда громче, чем я ожидала.
Элина зажмурилась.
Старейшина Глеб отвернулся.
Госпожа Вирт смотрела на меня с таким выражением, будто хотела подойти, но не решалась.
Ратмир посмотрел на гостей.
— Мы поговорим наедине.
— Сейчас?
— После ужина.
Я кивнула.
— Хорошо.
Он явно ожидал продолжения.
Наверное, думал, что я закричу. Брошусь на Элину. Попытаюсь убедить гостей, что он совершает ошибку.
Мне самой казалось, что я должна сделать что-нибудь подобное.
Но внутри образовалась пустота.
Я аккуратно положила салфетку рядом с тарелкой.
— Простите, — сказала я сидевшим рядом гостям. — Приятного вечера.
После этого вышла из-за стола.
Никто не остановил меня.
Только у самых дверей я услышала, как Ратмир негромко отдал музыкантам приказ продолжать.
И музыка снова заиграла.

Я добралась до маленькой гостиной в западном крыле.
Здесь редко бывали посторонние.
У стены стоял старый диван с потертыми подлокотниками, возле окна — круглый столик, на котором я обычно оставляла книги.
В камине не было огня.
Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.
Только тогда почувствовала, как дрожат колени.
Я стояла так несколько минут.
Потом подошла к дивану и села.
Плакать не получалось.
Я пыталась вспомнить, когда именно все началось.
Ратмир перестал приходить ко мне по ночам примерно полгода назад.
Раньше он объяснял это усталостью после пограничных поездок.
Потом начал ночевать в собственном кабинете.
Несколько раз я просыпалась от звука открывающейся двери и видела, как он забирает из гардероба одежду.
Он говорил, что его срочно вызвали.
Я верила.
Когда его привычный запах стал исчезать с наших подушек, я купила новое постельное белье.
Когда он перестал целовать меня перед отъездом, начала сама подходить к нему.
Когда он стал раздражаться от моих прикосновений, решила дать ему больше свободы.
Я постоянно находила причины.
Для него.
Для его равнодушия.
Для собственного одиночества.
Вспомнила один зимний вечер, когда Элина ужинала с нами.
Она рассказала какую-то смешную историю о торговце драгоценностями, который перепутал заказанные камни.
Ратмир хохотал так громко, что пролил вино.
Я тогда долго смотрела на него.
Мне показалось удивительным, что он еще способен так смеяться.
Со мной он почти никогда не смеялся.
Я провела ладонями по лицу.
Нет.
Это ничего не доказывало.
Нельзя превращать девять лет брака в сплошную ложь лишь потому, что сегодня случилось предательство.
Хорошее тоже было.
Наши поездки к озеру.
Его забота, когда я заболела после первой зимы в Серебряном Бору.
Ночи, во время которых мы не могли наговориться.
И тот случай, когда он просидел рядом со мной до утра после похорон моего отца.
Все это происходило на самом деле.
Оттого было еще больнее.
Я любила мужчину, который когда-то совершал эти поступки.
А сегодня он стоял перед гостями с моей сестрой и объяснял, почему я больше ему не подхожу.
В дверь постучали.

Я не ответила.

— Мира?

Элина.

Я закрыла глаза.

— Уходи.

Дверь приоткрылась.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Нет.

Она все-таки вошла.

Я посмотрела на нее.

Бордовое платье, распущенные светлые волосы, серебряные серьги.

Выглядела она прекрасно.

Разве что глаза покраснели.

— Ты должна меня выслушать, — сказала сестра.

Я медленно встала.

— Не должна.

— Мира, пожалуйста.

— Ты слышала, что я сказала?

Элина остановилась возле двери.

На несколько секунд она показалась той самой маленькой девочкой с тряпичным зайцем, которая боялась засыпать одна.

Мне захотелось, чтобы так и было.

Чтобы я могла обнять ее и сказать, что ничего страшного не произошло.

Но детство закончилось.

И Элина прекрасно знала, что делала.

— Я не хотела, чтобы все вышло именно так, — прошептала она.

— А как ты хотела?

— Мы собирались сначала поговорить с тобой.

Я усмехнулась.

Звук получился неприятным.

— Кто это «мы»?

Она опустила глаза.

— Я и Ратмир.

— Понятно.

— Мира, между нами возникла связь. Мы не могли ничего изменить.

— Связь.

— Истинная.

Я медленно подошла к ней.

— Ты жила в моем доме, Элина.

— Я знаю.

— Ела за моим столом.

— Не нужно...

— Приходила ко мне, когда тебе было плохо. Просила помочь. Рассказывала о мужчинах, которые тебя обижали.

Она вскинула голову.

— Я не планировала влюбляться в твоего мужа!

Я остановилась.

Влюбляться.

Вот как она это называла.

— И давно ты в него влюбилась?
Элина прикусила губу.
— Это сложно объяснить.
— Попробуй.
— Мы сначала просто разговаривали.
— Когда?
— Мира...
— Когда, Элина?
Она посмотрела на меня с неожиданным раздражением.
— Какая разница? Ты все равно будешь меня ненавидеть.
Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось.
— Значит, ты уже решила, что именно я виновата в твоём положении.
— Я этого не говорила!
— Тогда ответь.
Она помолчала.
— Зимой.
Я медленно кивнула.
— В январе?
Сестра отвернулась.
Этого оказалось достаточно.
Я прислонилась ладонью к спинке кресла.
Девять месяцев.
Почти весь последний год.
В феврале Элина помогала мне выбирать подарок Ратмиру на его день рождения.
В марте ездила с ним осматривать северные склады.
В апреле мы вдвоём ужинали в саду.
В мае она плакала у меня на плече после ссоры с подругой, а я всю ночь ее утешала.
Все это время она спала с моим мужем.
— Выйди, — сказала я.
— Мира...
— Пожалуйста, выйди.
Она не двигалась.
— Ты ведь понимаешь, что истинная связь сильнее обычного брака?
Я посмотрела на нее.
— А обычная порядочность?
Сестра вздрогнула.
— Что?
— Она тоже становится ненужной, если у тебя появилась истинная связь?
Элина покраснела.
— Ты всегда смотрела на меня свысока.
Я даже не сразу поняла смысл сказанного.
— Что?
— Всегда! Ты решала, как мне жить, где работать, с кем общаться. Даже платье сегодня пыталась выбрать за меня.
Я смотрела на сестру, которую годами защищала от чужой жестокости.
И впервые понимала, как она воспринимала мою заботу.
— Ты сама присылала мне фотографии платьев.
— Потому что знала: иначе ты обидишься.
Мне стало тихо и очень холодно.

— Элина, ты можешь любить Ратмира. Можешь считать себя его истинной. Но тебе не обязательно превращать меня в чудовище, чтобы оправдать то, что вы сделали.

Она открыла рот.

Не нашла ответа.

Я указала на дверь.

— Уходи.

На этот раз сестра послушалась.

Уже на пороге она остановилась.

— Ты еще встретишь другого мужчину, Мира. Может быть, даже человека. Тебе будет проще.

Я не ответила.

Дверь закрылась.

Только после этого я села и впервые заплакала.

Не громко.

Я даже не рыдала.

Слезы просто текли по щекам, а я не находила сил вытереть их.

Ратмир пришел через полчаса.

К этому времени я успела умыться в маленькой ванной и зажечь огонь в камине.

Я сидела на диване с чашкой остывшего чая.

Муж вошел, закрыл дверь и некоторое время молча смотрел на меня.

— Элина сказала, что вы поссорились.

Я поставила чашку.

— Она быстро добралась до тебя.

— Мирослава, я не хочу начинать с обвинений.

Я подняла на него глаза.

— Тогда с чего ты хочешь начать?

Он подошел к камину.

Сунул руки в карманы.

— С того, что я никогда не собирался причинять тебе боль.

Мне захотелось рассмеяться.

Но я удержалась.

— И поэтому объявил о разводе перед всеми нашими знакомыми?

— Это важное решение для стаи.

— Для стаи?

— Да.

— А для меня?

Ратмир тяжело вздохнул.

— Я понимаю, что тебе неприятно.

Неприятно.

Так обычно говорили, когда за ужином подавали остывшее мясо.

— Ратмир, ты изменял мне с моей сестрой девять месяцев.

Он отвернулся.

— Элина рассказала?

— Она сказала, что все началось зимой.

— Мы не сразу поняли, что происходит.

— Когда ты впервые с ней переспал?

Муж резко повернулся.

— Обязательно говорить об этом так?

— Как именно?

— Грубо.

Я посмотрела на него.

Несколько секунд просто смотрела.

— Ты сейчас серьезно?

Он провел ладонью по волосам.

— Я пришел поговорить спокойно.

— Тогда ответь спокойно.

Он молчал.

— Когда?

— В конце января.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод.

Конец января.

В тот месяц он уехал на три дня якобы для проверки торгового маршрута.

Я собственноручно собрала ему теплую одежду.

И положила в дорожную сумку маленькую коробку с его любимым печеньем.

Вечером второго дня Элина написала мне, что скучает и хочет поскорее вернуться из поездки.

Я вспомнила ее сообщение.

И поняла, что в тот момент они, скорее всего, были вместе.

— Вы ездили вдвоем? — спросила я.

Ратмир ничего не ответил.

Я отвернулась к камину.

Больше спрашивать не хотелось.

Он подошел ближе.

— Мира, мы оба знаем, что последние годы наш брак был непростым.

— Да.

— Ты тоже чувствовала, что между нами что-то изменилось.

— Чувствовала.

— Я пытался сохранить семью.

Я подняла голову.

— Как?

Он нахмурился.

— Что?

— Как ты пытался сохранить семью?

Ратмир замолчал.

— Ты разговаривал со мной? Предлагал что-то изменить? Сказал, что разлюбил?

— Такие вещи нельзя решить одним разговором.

— Ты даже не начал его.

— Я не хотел тебя ранить.

— А девять месяцев изменять мне было менее болезненным способом?

Он стиснул челюсти.

— Прекрати все сводить к измене.

Я медленно выдохнула.

— Ратмир, именно к ней все и сводится.

— Нет. Ты прекрасно знаешь, что проблема существовала задолго до Элины.

Я почувствовала, куда он ведет разговор.

И все равно спросила:

— Какая проблема?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— У тебя нет волчицы, Мирослава.

Вот оно.

Те самые слова, которых я боялась долгие годы.

Когда-то мне казалось, что услышать их от мужа невозможно.

Оказывается, возможно.

— У меня никогда ее не было, — тихо сказала я. — Ты знал об этом до свадьбы.

— Тогда мне казалось, что это неважно.

— Казалось?

— Я был моложе. Думал, что смогу справляться со всем самостоятельно.

Я опустила взгляд.

Он продолжал:

— Управлять такой стаей невероятно тяжело. Мне нужна настоящая Луна. Женщина, способная разделить со мной силу, поддерживать защитные границы, дать достойное потомство.

Я медленно подняла голову.

— А я, значит, не настоящая?

— Я не это сказал.

— Именно это.

Он раздраженно выдохнул.

— Ты прекрасно справляешься с хозяйством. Никто этого не отрицает.

Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

Хозяйством.

Все наши бессонные ночи.

Поездки по поселениям.

Больные дети.

Пожары.

Голодная зима, когда мне пришлось распродать часть собственных украшений, чтобы закупленные лекарства дошли до жителей отдаленных деревень.

Для него все это было хозяйством.

— Я рада, что ты заметил, — сказала я.

Ратмир поморщился.

— Не нужно язвить.

— А что мне нужно? Поблагодарить тебя за девять лет брака?

Он посмотрел на часы.

На новые, дорогие, с массивным корпусом.

Не на те, которые я весь день прятала в своей комнате.

— Я намерен обеспечить тебе достойное будущее, — сказал он. — Ты не останешься без средств.

— Какая щедрость.

— Мирослава.

— Продолжай. Я слушаю.

Он достал из внутреннего кармана сложенные листы.

Положил их на стол.

— Это предварительное соглашение. Совет уже рассмотрел основные положения.

Я взяла бумагу.

Несколько страниц.

Аккуратный официальный текст.

Передача личных вещей.

Отказ от претензий на имущество Серебряного Бора.

Ежемесячное содержание.

Предоставление небольшого дома в западной долине.

И отдельный пункт.

Я перечитала его дважды.

— Что означает «обязательство не распространять сведения, способные нанести ущерб репутации альфы и его будущей Луны»?

Ратмир присел напротив.

— Обычная юридическая формулировка.

— Ты хочешь купить мое молчание?

— Я хочу избежать скандала.

— Ты устроил скандал перед двумя сотнями гостей.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем речь.

Я посмотрела на цифру в соглашении.

Сумма была внушительной.

Для женщины без собственного дохода она могла показаться спасением.

Но у меня имелись личные сбережения, доставшиеся от матери, и доля в небольшом торговом деле, которую я сохранила после замужества.

Ратмир о ней знал.

Просто никогда не интересовался.

— Я не подпишу это, — сказала я.

Он откинулся на спинку кресла.

— Не торопись.

— Мне достаточно одного прочтения.

— Ты сейчас слишком эмоциональна.

Я положила соглашение на стол.

— Не называй меня эмоциональной только потому, что тебе не нравится мой ответ.

Муж нахмурился.

— Я предлагаю тебе больше, чем обязан по закону.

— А я прошу только то, что принадлежит мне.

— И что же?

— Мои вещи. Мои документы. Мои деньги. И развод без дополнительных условий.

Ратмир помолчал.

— Ты действительно не собираешься бороться за наш брак?

Я не сразу поняла вопрос.

Он произнес его почти с обидой.

Словно ожидал, что именно я должна была убеждать его не уходить.

— За какой брак, Ратмир?

Он развел руками.

— Девять лет нельзя просто вычеркнуть.

— Ты объявил о разводе час назад.

— Я надеялся, что ты проявишь понимание.

Я смотрела на мужчину, которого любила почти десятилетие.

И вдруг почувствовала не гнев.

Усталость.

Такую глубокую, что даже говорить стало трудно.

— Я девять лет старалась тебя понимать, — произнесла я. — Когда ты возвращался злым, я не спрашивала лишнего. Когда неделями отсутствовал, не жаловалась. Когда перестал разговаривать со мной за ужином, убеждала себя, что у тебя много забот.

Он опустил глаза.

— Мира...

— Я не прошу тебя остаться. Не собираюсь умолять. И не хочу слышать, что ты сделал это ради моего блага.

Я встала.

— Но мне нужно, чтобы хотя бы сейчас ты перестал делать из меня дурочку.

Ратмир резко поднялся следом.

Он был выше почти на голову.

Когда-то рядом с ним я чувствовала себя защищенной.

Сегодня впервые заметила, что он привык разговаривать со мной сверху вниз не только из-за роста.

— Следи за словами.

Я отступила на полшага.

Не потому, что испугалась.

Просто между нами стало слишком мало воздуха.

— И что будет, если не стану?

Он замер.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

Затем Ратмир отвернулся.

— Я не хочу ссориться.

— Поздно.

— Послушай...

— Нет.

Слово прозвучало резко.

Он удивленно повернул голову.

Я никогда не перебивала его так.

— Сегодня я услышала достаточно, — сказала я. — Через два дня мы оформим развод. До этого я останусь в своих комнатах. Ты можешь праздновать сколько угодно, но ко мне больше не приходи.

Ратмир медленно покачал головой.

— Это мой дом, Мирослава.

Я посмотрела на него.

Вот теперь он сказал правду.

Не наш.

Его.

Все девять лет я называла Серебряный Бор домом.

Перестраивала комнаты.

Выбирала деревья для сада.

Лечила людей, которые здесь жили.

Учила новых слуг не бояться больших приемов.

Знала, где протекает крыша старого крыла и в какой комнате каждую зиму замерзают трубы.

А он назвал этот дом своим.

И имел на это полное право.

— Тогда я перееду в гостевые покои, — ответила я.

Муж открыл рот, но ничего не сказал.

Я прошла мимо него к двери.

Уже взявшись за ручку, услышала:

— Мира.

Я остановилась.

— Что?

Он помолчал.

— Ты ведь понимаешь, что я не собирался тебя унижать?

Я медленно повернулась.

— Ратмир, ты заранее пригласил людей посмотреть, как оставляешь меня ради моей сестры.

Он отвел взгляд.

— Это было необходимо.

— Вот именно, — сказала я. — Тебе было необходимо.

И вышла.

В коридоре было прохладно.

Я шла медленно, придерживаясь одной рукой за стену.

Издалека доносилась музыка.

Праздник продолжался.

Наверное, гости обсуждали наше будущее.

Кто-то жалел меня.

Кто-то радовался за Элину.

Кто-то уже подсчитывал, какие выгоды принесет Серебряному Бору новый союз.

Мне хотелось оказаться настолько далеко, чтобы никогда больше не слышать этих разговоров.

Возле лестницы я встретила Агату.

Управляющая остановилась, увидев меня.

— Госпожа...

Она оглядела мое лицо.

Потом быстро подошла.

— Вам что-нибудь нужно?

Я хотела сказать, что нет.

Вместо этого неожиданно спросила:

— Вы знали?

Агата опустила глаза.

И мне больше ничего не потребовалось объяснять.

— Давно?

— Я...

Она стиснула руки.

— Я не имела права говорить.

Я кивнула.

Конечно.

Все вокруг не имели права говорить.

Только Элина имела право спать с моим мужем.

А Ратмир — объявлять о разводе перед гостями.

Остальные просто молчали.

— Госпожа, — тихо произнесла Агата, — если бы я могла...

— Не нужно.

Она подняла глаза.

— Я ведь...

— Я понимаю.

И действительно понимала.

Служащая, много лет проработавшая в резиденции альфы, не могла рисковать всем ради женщины, которая скоро лишится титула.

Это не делало ее молчание менее болезненным.

Но я не собиралась требовать от нее героизма, на который сама не была способна последние годы.

— Завтра распорядитесь подготовить мне комнаты в гостевом крыле, — сказала я.

Агата побледнела.

— Вы будете жить отдельно?

— До развода.

— Конечно, госпожа.

Я помедлила.

— И еще. Утром необходимо отправить лекарства в Бережки. Документы лежат у меня на письменном столе.

Она моргнула.

— Вы сейчас об этом думаете?

— Ребенку уже стало лучше, но препарат нужен еще три дня.

— Я прослежу лично.

— Спасибо.

Агата неожиданно взяла мою руку.

Ее пальцы были теплыми и шершавыми.

— Я очень сожалею, госпожа Мирослава.

Я посмотрела на нее.

И едва не расплакалась снова.

Потому что за весь вечер это были первые слова сожаления, произнесенные человеком, который не пытался одновременно оправдать Ратмира.

— Спасибо, Агата.

Я осторожно освободила руку.

И пошла к лестнице.

В нашей спальне ничего не изменилось.

На кровати лежало покрывало, которое я выбирала прошлой весной.

Возле окна стояло кресло Ратмира.

На тумбочке с его стороны — книга, открытая на середине.

Я остановилась в дверях.

Странное дело.

Еще утром все это принадлежало моей жизни.

Теперь выглядело чужим.

Я подошла к туалетному столику и открыла нижний ящик.

Коробка с часами лежала там, где я ее оставила.

Достала.

Поставила перед собой.

Несколько секунд смотрела на темно-синюю упаковочную ленту.

Потом открыла крышку.

Секундная стрелка продолжала двигаться.

Тик-так.

Тик-так.

Время не остановилось.

Даже теперь.

Я присела на край кровати.

Вспомнила, как пять месяцев назад ехала в Белый Уступ за первой восстановленной деталью.

Мастер предупреждал, что старый механизм может не выдержать ремонта. Я настояла на попытке.

Потом трижды возвращалась к нему, спорила о стоимости редкого колеса, заставляла переделывать неудачную гравировку.

Мне хотелось увидеть лицо Ратмира, когда часы снова заработают.

Теперь я представляла это лицо слишком хорошо.

Он открыл бы коробку.

Посмотрел на часы.

Сказал бы что-нибудь вежливое.

И, возможно, даже не вспомнил, почему они были ему дороги.

Я закрыла крышку.

Выбрасывать подарок не стала.

Положила обратно в ящик.

Пусть пока лежит.

Слишком многое сегодня решалось без меня. Хотя бы с этим я могла не торопиться.

Я подошла к гардеробу.

Две трети занимала моя одежда.

Рядом висели костюмы Ратмира, его охотничьи куртки, парадные мантии.

На верхней полке стояла коробка с фотографиями.

Я достала ее.

На первой фотографии мы стояли у озера в день после свадьбы.

Ратмир обнимал меня за талию.

Я смеялась, потому что ветер растрепал мне волосы, а он пытался их пригладить.

Мы выглядели счастливыми.

Возможно, такими и были.

Я провела пальцем по фотографии.

Мне хотелось возненавидеть его.

Это значительно упростило бы происходящее.

Но любовь не исчезает только потому, что другой человек совершил предательство.

Она остается.

В воспоминаниях.

В привычке прислушиваться к шагам.

В желании рассказать, что случилось за день.

И оттого становится невыносимо тяжело.

Я положила фотографию обратно.

Закрыла коробку.

Потом сняла обручальное кольцо.

Сначала оно не поддалось.

Я потянула сильнее.

Тонкий золотой ободок оставил на коже красную полосу.

Кольцо наконец соскользнуло с пальца.

На секунду мне показалось, что под ним что-то болезненно дернулось.

Я потеряла ладонь.

Странное ощущение быстро исчезло.

Наверное, просто перенервничала.

Я положила кольцо на тумбочку с его стороны кровати.

Не бросила.

Не швырнула в окно.
Аккуратно положила.
Пусть решает, что делать с ним дальше.
Мои вещи предстояло собирать завтра.
Сегодня я едва держалась на ногах.
Взяв ночную рубашку и небольшой дорожный несессер, я направилась к двери.
И неожиданно вспомнила о материнском украшении.
Старинном серебряном медальоне с маленьким лунным камнем.
Мама подарила его мне незадолго до своей смерти и просила беречь.
Я не надевала медальон уже много месяцев.
В конце лета обнаружила, что он пропал из шкатулки, и решила, что сама переложила его во время уборки.
С тех пор искала несколько раз.
Безрезультатно.
Сейчас я машинально открыла ящичек с украшениями.
Шкатулка стояла на прежнем месте.
Пустое отделение для медальона тоже никуда не исчезло.
Я провела пальцами по бархату.
И почему-то вспомнила, как сегодня вечером между руками Ратмира и Элины вспыхнула серебряная нить.
Сердце неприятно кольнуло.
Глупость.
Такие знаки появлялись у многих истинных пар.
Я закрыла шкатулку.
Но тревога осталась.

Из западного коридора можно было попасть в гостевые комнаты, не проходя через праздничный зал.
Я выбрала этот путь.
Не хотелось встречать гостей.
Еще меньше хотелось встречать мужа.
В коридоре почти не было света. Только настенные лампы освещали темные картины и высокие окна.
У дальней арки стоял мужчина.
Я заметила его не сразу.
Он был очень высоким.
Широкие плечи едва помещались в узком пространстве между колонной и стеной.
На нем был темный костюм без серебряных знаков Серебряного Бора. Черные волосы, коротко подстриженные на висках, слегка растрепались.
Он стоял неподвижно.
И смотрел в сторону зала.
Наверное, один из приглашенных представителей соседних стай.
Я опустила глаза и собиралась пройти мимо.
Но в последний момент незнакомец повернул голову.
Наши взгляды встретились.
У него были очень светлые, почти серебристые глаза.
Холодные.
Внимательные.
На мгновение мне показалось, что мужчина удивился.

Словно не ожидал увидеть меня именно здесь.
Затем его взгляд скользнул по моему лицу.
Я вспомнила, что недавно плакала.
Наверняка опухшие глаза, покрасневший нос.
Прекрасное завершение праздничного вечера.
Я попыталась пройти быстрее.
Незнакомец выпрямился и молча отступил, освобождая дорогу.
Я остановилась.
Не знаю почему.
Возможно, потому что за весь вечер это был первый мужчина, который уступил мне место без просьбы.
— Простите, — сказала я. — Я вас не помню среди гостей.
Он слегка склонил голову.
— Мы не были представлены.
Голос оказался низким, спокойным, с легкой хрипотцой.
Я кивнула.
— Тогда простите еще раз. Сегодня слишком много людей.
— Вам не за что извиняться.
От неожиданности я посмотрела на него внимательнее.
Обычно представители соседних стай любили церемонии не меньше Ратмира. Ожидали положенного поклона, упоминания титула, приглашения в гостиную.
Этот мужчина, кажется, ничего не ждал.
Он не улыбался.
Не пытался заговорить о празднике.
И не смотрел на меня с той мучительной жалостью, которой за сегодняшний вечер я успела насытиться.
— Вы приехали издалека? — спросила я.
— С севера.
Его ответ был слишком коротким для светской беседы.
Впрочем, мне и самой не хотелось разговаривать.
— Надеюсь, вам понравился прием.
Я услышала собственные слова и почувствовала себя полной дурой.
Какой прием?
Мой муж только что публично объявил о разводе.
Незнакомец помедлил.
— Не особенно.
Я неожиданно посмотрела на него.
Он произнес это совершенно серьезно.
Без желания утешить.
Без фальшивой вежливости.
Просто сказал правду.
Я почувствовала, как уголок рта дрогнул.
Кажется, впервые за последние несколько часов мне захотелось улыбнуться.
— Понимаю.
Он немного отступил, давая мне возможность пройти.
Я сделала шаг.
И услышала из дальнего конца коридора голос Ратмира.
— Мирослава!
Я остановилась.

Муж быстро шел к нам.
На его лице появилось раздражение, когда он заметил незнакомца.
— Я тебя искал, — сказал он.
Я посмотрела на него.
— Зачем?
— Ты ушла из нашей гостиной. Я думал, мы договорились.
— Мы договорились о разводе.
Ратмир бросил быстрый взгляд на мужчину у колонны.
— Давай не здесь.
— Я и не собиралась здесь разговаривать. Я шла к себе.
— В наши покои?
— В гостевое крыло.
Его лицо потемнело.
— Ты собираешься демонстративно переехать из супружеской спальни?
Я почувствовала, как внутри снова поднимается усталость.
— Ты объявил перед всей стаей, что собираешься жениться на моей сестре. Думаю, люди переживут мой переезд в соседнюю комнату.
Ратмир сделал шаг ближе.
— Мирослава, хватит.
Он произнес это тем самым тоном, после которого подчиненные обычно замолкали.
Я тоже много лет замолкала.
Но сегодня почему-то не захотелось.
— Доброй ночи, Ратмир.
Я повернулась, собираясь уйти.
Муж схватил меня за запястье.
Не сильно.
Но достаточно крепко, чтобы остановить.
— Я не закончил.
И тут незнакомец у колонны пошевелился.
Всего лишь выпрямился.
Однако Ратмир мгновенно заметил это движение.
Его пальцы разжались.
Я посмотрела на свою руку.
На коже остались едва заметные красные следы.
— Мы закончили, — сказала я.
Муж проводил взглядом мою ладонь.
Потом неожиданно посмотрел на незнакомца.
— Норд, — произнес он холодно. — Не думал встретить тебя здесь.
Мужчина ответил не сразу.
— Взаимно.
Ратмир нахмурился.
— У нас частный разговор.
— Я заметил.
— Тогда оставь нас.
Незнакомец медленно повернул голову.
В его взгляде не было ни тени подобострастия.
— Госпожа уже сказала, что уходит.
Воздух между ними словно стал тяжелее.
Я почувствовала странное давление в груди.

Ратмир сделал глубокий вдох.

— Это семейное дело.

— Тогда не стоило обсуждать его перед полным залом гостей.

Муж побледнел от злости.

Я ожидала, что он сейчас взорвется.

Но Ратмир только сжал кулаки.

— Мы еще поговорим, Норд.

— Разумеется.

Это прозвучало так спокойно, что у меня по спине пробежал холод.

Я посмотрела на незнакомца.

Он стоял в нескольких шагах.

Сильный, незнакомый, совершенно чужой мужчина.

Я не знала, кто он.

Не знала, почему Ратмир вдруг стал разговаривать с ним так осторожно.

Но впервые за вечер кто-то заметил, что я сказала «нет», и счел это достаточной причиной не удерживать меня.

Я повернулась к мужу.

— До церемонии развода я буду жить отдельно. Завтра мои вещи перенесут. Если потребуется обсудить документы, передай их через управляющую.

Ратмир молчал.

Я ждала возражений.

Они не последовали.

— Доброй ночи, — повторила я.

После этого прошла между мужчинами и направилась к лестнице.

Я не оглядывалась.

Почти дошла до поворота, когда услышала голос незнакомца:

— Арден, на твоём месте я бы не стал требовать от неё большего.

Ратмир ответил тихо.

Я не разобрала слов.

Зато отчетливо услышала короткий смешок.

Невеселый.

Опасный.

И почему-то именно от него меня бросило в дрожь.

В гостевой комнате пахло чистым бельем и лавандой.

Я закрыла дверь.

Поставила несессер на стул.

Сняла серьги.

Только после этого посмотрела на свое отражение в маленьком зеркале над комодом.

Лицо действительно было бледным.

Тушь немного размазалась под левым глазом.

Волосы выбились из прически.

Но я все еще оставалась собой.

Мирославой.

Не безволчицей.

Не ненужной Луной.

Не женой, которую сегодня публично заменили более молодой женщиной.

Просто Мирославой.

Мне почему-то было очень важно это вспомнить.

Я села на кровать и достала телефон.
На экране висело несколько новых сообщений.
Поздравления с годовщиной.
Вопросы о моем самочувствии.
И одно короткое сообщение от незнакомого номера:
«Ваша машина будет готова к поездке в храм в пятницу в девять. Прошу не опаздывать».
Даже здесь Ратмир предпочитал разговаривать распоряжениями.
Я посмотрела на дату.
Пятница.
Через два дня.
Всего через два дня девятилетний брак официально перестанет существовать.
Я набрала ответ:
«Буду вовремя».
Нажала отправить.
Затем выключила телефон.
Тишина в комнате была непривычной.
Никто не звал меня.
Не спрашивал, где документы.
Не требовал проверить гостей.
Не просил решить очередную проблему.
Впервые за много лет мне действительно нечего было делать для Ратмира.
Я легла поверх покрывала.
Некоторое время смотрела в потолок.
Пыталась представить жизнь за пределами Серебряного Бора.
Небольшой дом.
Другой город.
Незнакомые люди.
Собственные решения.
Я не знала, куда поеду после развода.
Не знала, смогу ли когда-нибудь снова полюбить.
И совершенно не представляла, как буду жить без мужчины, который почти десять лет являлся центром моего мира.
Но кое-что я уже решила.
В пятницу я войду в храм.
Произнесу необходимые слова.
Верну Ратмиру свободу, ради которой он предал меня.
И заберу свою.
Что бы ни случилось дальше.

Позднее, уже проваливаясь в беспокойный сон, я почувствовала странное тепло под ребрами.
Оно было слабым, почти незаметным.
Не похожим на боль, которая преследовала меня после магических обрядов мужа.
Скорее на тихое движение.
Словно внутри меня кто-то осторожно повернулся после очень долгого сна.
Я положила ладонь на живот.
Ощущение исчезло.
Наверное, нервы.
Сегодня у меня было достаточно причин чувствовать себя странно.

Я закрыла глаза.
За окном завывал ветер.
И где-то очень далеко, за стенами резиденции, среди темных елей протяжно завыл волк.
Обычно я не обращала внимания на такие звуки.
В Серебряном Бору волчий вой был привычнее колокольного звона.
Но сейчас я вдруг отчетливо различила в нем что-то незнакомое.
Не угрозу.
Не призыв.
Будто зверь в темноте ждал ответа.
Я прислушалась.
Вой повторился.
И глубоко внутри, там, где всю жизнь существовала только тишина, что-то едва слышно шевельнулось.
Я открыла глаза.
Подождала.
Ничего.
Только ветер за окном.
И собственное сердце.
Я еще долго не могла уснуть.
Но впервые за весь вечер думала не о Ратмире.
Перед глазами стоял высокий незнакомец с серебристыми глазами.
Мужчина, который смотрел на меня не как на ненужную жену могущественного альфы.
И даже не как на бедную женщину, которую следовало пожалеть.
Он смотрел так, словно видел перед собой человека, способного самостоятельно решить, куда идти.
Тогда я еще не знала его имени.
Не знала, почему Ратмир так напрягся при встрече с ним.
И совершенно не подозревала, что через два дня моя жизнь изменится гораздо сильнее, чем сегодня.
Я просто лежала в чужой комнате собственного дома.
И впервые за девять лет не ждала, когда муж придет ко мне ночью.

Глава 2. Волчица, которая молчала

В пятницу утром я обнаружила, что в доме, которому отдала девять лет жизни, мне принадлежали всего четыре чемодана, две коробки с книгами и старые часы, предназначавшиеся мужчине, с которым мне предстояло развестись.

Остальное оказалось сложнее.

Платье, купленное на мои деньги, безусловно, было моим. Как и украшения матери, несколько семейных фотографий и документы на небольшую долю в торговом предприятии.

А вот письменный стол, за которым я провела сотни ночей, разбирая просьбы жителей стаи, принадлежал Серебряному Бору.

Кресло у окна — тоже.

Даже старенький чайник, который Агата принесла мне в первую зиму после свадьбы, числился на балансе хозяйства.

Я сидела на полу посреди гостевой комнаты, окруженная раскрытыми чемоданами, и совершенно серьезно размышляла, могу ли забрать чайник.

Это было настолько нелепо, что я вдруг рассмеялась.

Смех получился коротким.

Потом я заплакала.

И еще несколько минут сидела на ковре, прижимая к груди аккуратно сложенную ночную рубашку.

За последние два дня я успела испытать столько разных чувств, что перестала понимать, какое из них настоящее.

В среду вечером я ненавидела Ратмира.

В четверг утром проснулась с желанием пойти к нему и потребовать объяснений.

К обеду убедила себя, что все происходит из-за чудовищной ошибки.

Вечером увидела, как Элина выходит из его личных покоев в домашнем платье, и желание что-либо исправлять исчезло.

А сегодня мне предстояло окончательно расторгнуть наш брак.

В десять утра.

Так просто.

Девять лет жизни укладывались в назначенное время.

Я вытерла щеки и потянулась за следующей стопкой одежды.

В дверь негромко постучали.

— Госпожа Мирослава?

— Войдите, Агата.

Управляющая появилась с подносом. На нем стояли чашка кофе, тарелка с горячими булочками и небольшой кувшин сливок.

Увидев меня на полу, она остановилась.

— Вы опять ничего не ели?

— Ела вчера.

— Вчера вы выпили половину чашки бульона.

— Значит, у меня еще есть запас.

Агата не улыбнулась.

Она поставила поднос на стол и решительно отодвинула от меня один из чемоданов.

— Сначала завтрак.

— Агата...

— Если вы упадете в обморок в храме, господин альфа решит, что это из-за несчастной любви. Не доставляйте ему такого удовольствия.

Я посмотрела на нее.

За два дня управляющая удивительным образом превратилась из осторожной служавей, боявшейся произнести лишнее слово, в женщину, которая совершенно спокойно распоряжалась моим завтраком.

— Вы всегда были такой строгой?

— Вы просто раньше слушались с первого раза.

Я взяла булочку.

Она была теплой, с корицей и медом.

Мой любимый завтрак.

Глупо, но именно от этого мне снова захотелось плакать.

— Я заберу чайник, — объявила я.

Агата оглянулась на комод.

— Какой?

— Медный. Из маленькой гостиной. Он ведь принадлежит дому?

— Теперь принадлежит вам.

— Вы не можете просто так...

— Могу. Девять лет назад его хотели выбросить. Я отнесла мастеру и попросила починить. Так что это мой чайник.

— Агата, вы же только что сказали...

— А теперь я дарю его вам.

Она произнесла это таким тоном, что спорить я не стала.

Вместо этого откусила булочку.

Некоторое время мы молчали.

Потом я спросила:

— Лекарства отправили?

— Вчера утром. Мальчику в Бережках уже лучше. Его мать передала вам благодарность.

Я кивнула.

— Хорошо.

— И кровельные материалы для двух семей доставили. Работы начнут на следующей неделе.

— Отлично. Я оставила все записи в зеленой папке. Там указаны подрядчики и сроки.

— Я знаю.

Агата помедлила.

— Госпожа, вам не обязательно сейчас думать обо всем этом.

Я посмотрела на нее.

— А кто будет?

Она не ответила.

— Элина?

Имя сестры прозвучало гораздо горше, чем мне хотелось.

Управляющая поджала губы.

— Госпожа Элина вчера интересовалась, где хранятся списки приглашенных на зимний бал.

— Конечно.

— А когда я показала ей документы по содержанию поселений, сказала, что подобными скучными вещами должны заниматься служащие.

Я опустила глаза к чашке.

Не стоило испытывать удовольствие от чужой беспомощности.

Но крошечная часть меня все-таки обрадовалась.

— Возможно, она права, — сказала я. — Наверное, мне следовало давно переложить часть обязанностей на других.

— Возможно, — согласилась Агата. — Только почему-то никто не замечал, сколько всего вы делали, пока не пришлось искать вам замену.

Я не нашла ответа.

Она присела рядом со мной.

— Куда вы поедете после церемонии?

— Пока не знаю.

— В западную долину?

Я покачала головой.

Ратмир вчера прислал новое соглашение.

Дом в западной долине по-прежнему предлагался мне вместе с ежемесячным содержанием, но взамен требовалось подписать обязательство не разглашать обстоятельства развода.

И еще один пункт.

Я должна была отказаться от любых претензий, связанных с магическими последствиями нашего брачного союза.

Последняя формулировка показалась мне странной.

Раньше я никогда не слышала, чтобы подобное включали в обычные документы о разводе.

Поэтому ничего не подписала.

— Я не собираюсь жить в доме, который Ратмир сможет отобрать, если ему не понравится мое поведение, — сказала я.

Агата кивнула.

— Разумно.

Она посмотрела на мои чемоданы.

— Тогда, может быть, сначала в Белый Уступ? Там есть приличные гостиницы.

— Наверное.

— Я могу попросить племянника помочь с переездом.

— Не нужно. Я справлюсь.

Управляющая бросила на меня укоризненный взгляд.

— Мирослава, иногда помощь не означает, что вы чего-то не можете.

Я промолчала.

С этим мне еще предстояло разобраться.

К девяти часам чемоданы были закрыты.

Я переоделась в темно-серое платье с узкими рукавами и высоким воротником. Волосы собрала на затылке.

Никаких украшений.

Только маленькие серебряные серьги, которые носила почти ежедневно.

Обручальное кольцо осталось в коробке вместе с другими вещами, которые следовало передать Ратмиру.

Я не стала брать его с собой.

В конце концов, для расторжения брака требовалось разорвать магическую печать, а не вернуть ювелирное изделие.

Перед выходом я задержалась у зеркала.

На лице еще оставались следы бессонной ночи.

Вчера вечером, когда дом затих, я снова почувствовала странное движение внутри собственного тела.

Не боль.

Скорее беспокойство.
Будто где-то под ребрами просыпалась давно забытая часть меня.
Я даже сходила к целителю.
Он проверил пульс, температуру и заявил, что после такого потрясения нервное истощение совершенно естественно.
Посоветовал сон и покой.
Я не стала рассказывать ему о том, что иногда слышала нечто похожее на дыхание.
Чужое.
Тихое.
Слишком глубокое для моего собственного.
Потому что это прозвучало бы безумием.
За дверью послышались шаги.
Я обернулась.
На пороге стоял Ратмир.
Без стука.
Как всегда.
Он был одет в официальный черный костюм с серебряными знаками альфы. Волосы аккуратно зачесаны назад, на лице ни следа волнения.
Только под глазами появились темные тени.
— Готова? — спросил он.
Я взяла сумочку.
— Да.
Ратмир оглядел комнату.
Его взгляд задержался на чемоданах.
— Ты действительно собираешься уехать сразу после обряда?
— Да.
— Я думал, мы договоримся о более разумном решении.
— Я не подписала твое соглашение.
Он поморщился.
— Знаю.
— Тогда о чем говорить?
Ратмир прошел в комнату и закрыл дверь.
Я не просила его об этом.
Он остановился возле окна.
Некоторое время молчал.
— Вчера советники сообщили, что защитные круги восточной границы работают нестабильно.
Я посмотрела на него.
— Они сообщали мне об этом еще на прошлой неделе.
— Почему ты ничего не сказала?
— Сказала. Во вторник. За ужином.
Он нахмурился.
Я прекрасно помнила тот вечер.
Ратмир почти не слушал меня, потому что постоянно отвечал на сообщения.
Теперь я знала, кому именно.
— Возможно, я отвлекся, — признал он.
Для него это было почти извинением.
— Я оставила расчеты в рабочем кабинете. Советники смогут разобраться.
Он помолчал.

— Ты могла бы продолжать заниматься некоторыми вопросами после развода.
Я медленно повернула к нему голову.

— Что?

— Не постоянно, разумеется. Пока Элина войдет в курс дела.

Мне показалось, что я ослышалась.

— Ты хочешь, чтобы я после развода продолжала работать на твою стаю?

— Ты прекрасно знаешь систему управления.

— А твоя новая Луна?

— Элина еще молода.

Я смотрела на него.

И впервые за последние два дня почувствовала не отчаяние.

Удивление.

Именно такое, какое испытывают, когда знакомый человек совершенно серьезно предлагает тебе нечто невероятное.

— Ратмир, ты разводишься со мной потому, что тебе нужна настоящая Луна.

— Не начинай.

— Ты сам это сказал.

— Я говорил о магической стороне союза.

— А хозяйственной стороной я могу заниматься и дальше?

Он раздраженно вздохнул.

— Не искажай мои слова.

Я не выдержала и рассмеялась.

На этот раз искренне.

Ратмир застыл.

— Что смешного?

— Ты.

Его лицо потемнело.

— Мирослава.

— Нет, правда. Два дня назад ты объяснил двум сотням человек, что я недостаточно хороша для роли твоей жены. А теперь просишь помочь другой женщине исполнять мои обязанности.

— Я не прошу тебя помогать Элине!

— Тогда кому?

Он сжал челюсти.

— Стае.

Я перестала улыбаться.

Потому что именно это слово всегда заставляло меня уступать.

Стая.

Люди.

Семьи.

Дети.

Все, за кого я привыкла чувствовать ответственность.

Ратмир прекрасно знал, куда бить.

— Я оставила документы и инструкции, — ответила я. — Все незавершенные дела передала Агате и советникам. Если кому-то из жителей действительно потребуется моя помощь, я найду способ помочь. Но управлять твоим хозяйством после развода не стану.

— Ты слишком упряма.

— Возможно.

Он сделал шаг ко мне.

— Мира, я не хочу, чтобы мы расставались врагами.
Я подняла глаза.
На мгновение в его лице появилось что-то знакомое.
Тот самый мужчина, который когда-то приносил мне горячий чай, когда я болела.
Который сидел рядом всю ночь после смерти отца.
Который обещал любить меня независимо от того, появится ли у меня волчица.
Мне захотелось спросить, куда он исчез.
Но я сдержалась.
— Мы могли расстаться иначе, — сказала я. — Ты выбрал именно такой способ.
Ратмир отвел глаза.
— Мне пора.
Он открыл дверь.
Уже на пороге остановился.
— В храме не создавай сложностей. Все документы согласованы.
— Не беспокойся, — ответила я. — Я тоже хочу закончить это сегодня.
Он кивнул.
И ушел.
Я осталась одна.
Взгляд случайно упал на пустое место на комоде, где раньше стояла наша свадебная фотография.
Я убрала ее вчера.
Не выбросила.
Просто положила в коробку.
Пока не знала, что делать с воспоминаниями, которые больше не имели продолжения.

Храм Лунных клятв находился на окраине Серебряного Бора.
Высокое каменное здание окружали старые сосны. Вдоль дорожки стояли невысокие фонари с матовыми стеклами, а за оградой начинался лес.
Я бывала здесь много раз.
Девять лет назад — в белом свадебном платье.
Позже — на церемониях соединения молодых пар.
На благословениях детей.
На ежегодном обновлении защитных клятв.
Но никогда не приезжала сюда для развода.
Машина остановилась возле бокового входа.
Водитель поспешил открыть дверь.
— Госпожа.
Я поблагодарила его и вышла.
Воздух был холодным.
За ночь землю покрыла тонкая корка инея.
Возле главных ступеней стояли два автомобиля с гербами Лунного совета.
Третий я не узнала.
Черный, с серебристой эмблемой волчьей головы на дверце.
Волк был изображен в профиль.
С оскаленной пастью.
Под ним проходила узкая полоса, напоминавшая горный хребет.
— Это герб Северного Предела, — пояснил водитель, заметив мой взгляд.
Я посмотрела на него.
— Северного?

— Да, госпожа. Их альфа приехал лично.

Перед глазами возник высокий незнакомец с холодными светлыми глазами.

Норд.

Так назвал его Ратмир.

Я вспомнила напряжение, возникшее между мужчинами в коридоре.

— Разве представители Севера обычно присутствуют на наших церемониях? — спросила я.

Водитель замялся.

— Не могу сказать, госпожа.

Я не стала настаивать.

Поправила пальто и направилась к храму.

У дверей меня встретила женщина лет шестидесяти в темно-синем одеянии.

Высокая, сухощавая, с седыми волосами, убранными в строгий узел.

— Мирослава Арден?

— Да.

— Меня зовут Селена Вир. Я старшая хранительница брачных записей.

Она слегка поклонилась.

— Прошу пройти со мной.

Мы вошли в прохладный коридор.

Под потолком горели лунные светильники.

На стенах висели старинные изображения оборотней и их спутниц.

Некоторые картины я помнила с детства.

На одной огромный серебристый волк стоял рядом с женщиной, державшей ладони над каменным алтарем.

Я задержала взгляд.

Впервые мне показалось странным, что на изображении волк не склонял перед ней голову.

Он стоял рядом.

Как равный.

— Госпожа Арден?

Я поспешила за хранительницей.

Она привела меня в небольшую комнату с письменным столом.

— Прежде чем начнется обряд, мне необходимо удостовериться, что вы понимаете его последствия.

Я села напротив.

— Понимаю.

Селена открыла папку.

— Расторжение официального брачного союза прекращает взаимные обязанности супругов, действие брачной печати и право одного из них пользоваться магическими полномочиями другого.

Я нахмурилась.

— Последнее касается всех браков?

— Разумеется.

— Даже если один из супругов не обладает магией?

Она подняла глаза.

— В брачных обрядах участвует не только волчья сила. В определенных случаях связь затрагивает и человеческую жизненную энергию. Именно поэтому мы проводим предварительные проверки.

Я вспомнила свои постоянные головные боли.

Слабость после обрядов Ратмира.

Усталость, которую никакой сон не мог полностью прогнать.

— И как узнать, использовалась ли моя энергия? — спросила я.

Хранительница внимательно посмотрела на меня.

— У вас есть основания полагать, что это происходило?

Я открыла рот.

Потом закрыла.

За последние годы мне столько раз объясняли, что я просто слишком впечатлительна, что задать прямой вопрос оказалось неожиданно трудно.

— Я плохо себя чувствовала после некоторых обрядов мужа.

Селена сделала пометку.

— Сколько лет?

— Не знаю. Возможно, пять или шесть. В последнее время чаще.

— Обмороки?

— Несколько раз.

— Кровотечения? Необычные сны? Боль в области брачной печати?

Я подняла голову.

— Какой печати?

Она указала на внутреннюю сторону моего левого запястья.

Я посмотрела.

На коже ничего не было.

— У меня нет знака.

— Он не обязан быть видимым. У многих супругов печать находится под кожей и проявляется только во время магического воздействия.

Она протянула мне тонкую серебряную пластину.

— Положите ладонь.

Я сделала, как она попросила.

Сначала ничего не произошло.

Потом металл едва заметно нагрелся.

На его поверхности возникла бледная линия.

Она медленно закрутилась в кольцо.

Селена наклонилась вперед.

Я заметила, как изменилось ее лицо.

— Что-то не так?

Она не ответила сразу.

Достала из ящика небольшой прозрачный камень и приложила к пластине.

Линия вспыхнула ярче.

На мгновение я увидела внутри нее несколько тонких переплетенных нитей.

Одна была заметно темнее остальных.

Словно затянутая слишком туго веревка.

Хранительница быстро убрала камень.

— Когда заключался ваш брак, кто проводил обряд?

— Старший хранитель Вальден. Он умер три года назад.

Селена помолчала.

— Понятно.

— Что вы увидели?

— Не могу дать заключение до полного обследования записи.

— Но...

— Госпожа Арден, — мягко перебила она, — мне необходимо сохранить результаты проверки. После расторжения вы сможете запросить независимую экспертизу.

Я посмотрела на свою ладонь.

Металл уже остыл.

Однако внутри запястья оставалось легкое покалывание.

— Это опасно?

Хранительница закрыла папку.

— Сегодня во время разрыва связи могут возникнуть неприятные ощущения. Если почувствуете сильную боль, немедленно скажите мне.

— Разве боль бывает настолько сильной?

Она снова посмотрела на папку.

— Обычно нет.

Мне не понравилось слово «обычно».

В главный зал я вошла за десять минут до назначенного времени.

Ратмир уже стоял возле алтаря.

Рядом с ним находилась Элина.

Увидев меня, сестра выпрямилась.

Сегодня она выбрала светло-голубое платье и убрала волосы в сложную прическу.

На шее у нее висело небольшое серебряное украшение.

Я заметила его мельком.

Полумесяц с бледным камнем.

Что-то знакомое.

Элина быстро прикрыла подвеску пальцами и отвернулась.

Я остановилась.

— Это...

— Мирослава, — окликнул меня Ратмир.

Он подошел.

— Ты опоздала?

— До десяти еще семь минут.

— Хранительница сказала, что ты задавала много вопросов.

Я посмотрела на него.

— Она выполняла свою работу.

— Надеюсь, ты не собираешься оспаривать процедуру.

— Я собираюсь понять, что подписываю.

Он поморщился.

— Сегодня ты удивительно подозрительна.

Мне захотелось ответить, что последние девять месяцев дали для этого немало оснований.

Но я промолчала.

Не собиралась превращать церемонию в очередную ссору.

Ратмир оглянулся на Элину.

— После обряда ты можешь воспользоваться нашей машиной. Вещи отправим позже.

— Спасибо. Я распоряджусь сама.

Он хотел что-то сказать, но его внимание привлекло движение у противоположного входа.

Я повернула голову.

В зал вошел мужчина, которого я встретила в западном коридоре два дня назад.

Сегодня на нем был темный костюм и длинное черное пальто, которое он снял у дверей.

Я успела рассмотреть его внимательнее.

Ему было около сорока.

Высокий, очень крупный, с широкими плечами и сильными руками. Лицо с резкими чертами, прямым носом и небольшим шрамом у линии челюсти.

Короткая щетина делала его еще суровее.

Но больше всего запоминались глаза.

Светло-серые.

Почти серебряные.

Он шел спокойно, не торопясь, будто совершенно не замечал, как присутствующие невольно уступают ему дорогу.

За ним следовал мужчина постарше, с короткими седыми волосами.

Тот нес кожаную папку и внимательно осматривал зал.

Ратмир напрягся.

— Норд.

Незнакомец остановился.

— Арден.

Ни один из них не протянул руки.

Я переводила взгляд с одного на другого.

— Вы знакомы?

Ратмир повернулся ко мне.

— Это Кай Норд. Альфа Северного Предела.

Я почувствовала, как холод пробежал по позвоночнику.

Кай Норд.

Имя было мне знакомо.

О нем рассказывали столько противоречивых историй, что трудно было понять, какие из них правдивы.

Говорили, что он лично убил нескольких альф, пытавшихся захватить его земли.

Что однажды провел своих воинов через зимний горный перевал, считавшийся непроходимым.

Что на Севере даже самые свирепые оборотни не смели нарушать его приказов.

Еще говорили, будто его волк настолько огромен, что способен переломить шею медведю одним движением.

Последнему я не слишком верила.

Но сейчас, глядя на этого человека, неожиданно поняла, почему вокруг него возникали подобные слухи.

Он не выглядел мужчиной, привыкшим доказывать собственную силу.

Ему, вероятно, редко приходилось это делать.

— Госпожа Арден, — произнес Кай.

Он слегка склонил голову.

Я ответила таким же сдержанным поклоном.

— Господин Норд.

Ратмир недовольно посмотрел на нас.

— Совет мог прислать другого свидетеля.

— Мог, — согласился Кай.

— Тогда почему прислали тебя?

— Потому что я согласился приехать.

Седовласый спутник Кая едва заметно опустил глаза.

Мне показалось, что он скрывал улыбку.

Ратмир стиснул челюсти.

— Это частное семейное дело.

— С участием двух старинных брачных печатей и представителя Лунного совета, — спокойно заметил Кай. — Значит, уже не совсем частное.

Хранительница Селена появилась возле алтаря.

— Господа, прошу занять места.

Она обернулась ко мне.

— Госпожа Арден, встаньте слева от алтаря. Господин Арден — справа.

Элина направилась к переднему ряду скамей.

Кай остался у дальней колонны.

Его спутник занял место рядом.

Я подошла к алтарю.

Он был сделан из темного камня, прожилки которого переливались серебром.

Девять лет назад я стояла здесь с букетом белых цветов.

Ратмир держал меня за руку.

И тогда мне казалось, что впереди у нас бесконечно много времени.

Теперь между нами находилась каменная плита.

И ни один из нас не пытался сократить расстояние.

Селена открыла старинную книгу.

Рядом с ней встали два младших хранителя.

Один держал прозрачный камень размером с ладонь, другой — серебряную чашу с водой.

— Мы собрались, чтобы засвидетельствовать добровольное расторжение брачного союза альфы Ратмира Ардена и Мирославы Арден, урожденной Ветровой, — произнесла Селена.

Ее голос разносился по залу.

— Союз был заключен девять лет назад и подтвержден брачной печатью Серебряного Бора.

Она посмотрела на мужа.

— Господин Арден, подтверждаете ли вы желание расторгнуть брак?

— Подтверждаю.

Ни малейшего колебания.

Я знала, что так и будет.

И все равно слова ударили больнее, чем ожидала.

Хранительница повернулась ко мне.

— Госпожа Арден, подтверждаете ли вы свое согласие на расторжение?

Я взглянула на Ратмира.

Он смотрел спокойно.

Уверенно.

Наверное, был убежден, что я еще передумаю.

Что заплачу.

Попрошу времени.

Но я уже провела две ночи, пытаясь понять, как сохранить брак, которого больше не существовало.

И устала.

— Подтверждаю, — ответила я.

Селена кивнула.

— Обе стороны осознают, что после разрушения печати не смогут требовать друг от друга исполнения супружеских обязанностей?

— Да, — сказал Ратмир.

— Да, — повторила я.

— Обе стороны признают право бывшего супруга на независимую жизнь, новые союзы и распоряжение собственной силой?

Я снова ответила утвердительно.

Ратмир сделал то же самое.

Последние слова показались мне странными.

Собственной силой.

У меня ее никогда не было.

По крайней мере, так я думала.

Селена опустила руки над серебряной чашей.

Вода засветилась.

По поверхности пробежали серебряные круги.

Я почувствовала слабое покалывание в запястье.

— Прошу положить ладони на алтарь.

Ратмир сделал это первым.

Я последовала его примеру.

Камень оказался неожиданно теплым.

Под нашими руками возникли два светящихся узора.

У Ратмира — широкий, яркий, похожий на волчью голову в круге серебряного пламени.

У меня — тонкий почти невидимый орнамент.

Я смотрела на него с неловкостью.

Даже здесь, в последнюю минуту нашего брака, моя магия выглядела ничтожной.

— Сейчас начнется разрыв печати, — предупредила Селена. — Не убирайте руки до моего разрешения.

Она произнесла несколько слов на древнем языке.

Камень под пальцами дрогнул.

Между нашими запястьями протянулась серебряная нить.

Я видела подобное во время других церемоний.

Обычно связь просто бледнела, постепенно исчезая.

Но наша нить не исчезла.

Она натянулась.

Засветилась сильнее.

И внезапно потемнела.

Словно внутри нее проступили тысячи тонких черных прожилок.

Я вздрогнула.

Из запястья к плечу поползла боль.

— Мне больно, — сказала я.

Селена резко подняла голову.

— Не двигайтесь.

— Очень больно.

Ратмир повернулся ко мне.

— Мира, потерпи. Это всего лишь печать.

Я хотела ответить, но не смогла.

Боль ударила в грудь.

Настолько сильно, что колени подогнулись.

Мне показалось, будто кто-то схватил невидимую веревку, проходившую через мое тело, и начал вытягивать ее наружу.

Я вскрикнула.

Один из младших хранителей шагнул вперед.

— Госпожа!

— Не прерывать! — приказала Селена.
Со стороны дальней колонны послышались торопливые шаги.
Кай?
Я не успела обернуться.
Ратмир попытался убрать руку.
Серебряная нить вспыхнула алым.
Он зашипел от боли.
— Что происходит?!

Хранительница схватила прозрачный камень.
Его поверхность покрылась темными трещинами.
— Здесь вторичная привязка, — произнесла она с ужасом.
— Какая еще привязка? — потребовал Ратмир.
Селена не ответила.
Она начала произносить другие слова.
Более быстрые.
Резкие.
Свет алтаря усилился.
Я чувствовала, как каждая мышца в моем теле сводится судорогой.
Пальцы прилипли к камню.
Дышать становилось трудно.
Перед глазами появились темные пятна.
Я услышала собственный голос.
— Остановите...
Но никто не остановил.
И вдруг внутри меня что-то треснуло.
Не кость.
Не мышца.
Что-то гораздо глубже.
Невидимое.
То, чего я никогда раньше не ощущала.
В голове раздался звук, похожий на хруст ломающегося льда.
А потом я услышала голос.
— Хватит.
Он не принадлежал Селене.
Не принадлежал Ратмиру.
Я вообще не слышала его ушами.
Слово прозвучало внутри меня.
Низко.
Хрипло.
С такой злостью, что я испугалась.
— Хватит!
Я попыталась открыть глаза.
Не смогла.
Боль продолжала разрывать грудь.
— Кто... — прошептала я.
Ответ пришел мгновенно.
— Я.
Мне показалось, что я падаю.
Вокруг больше не было храма.

Не было людей.
Только темнота.
И в этой темноте кто-то дышал.
Тяжело.
Неровно.
Словно долгие годы провел в тесной клетке.
Я чувствовала его злость.
Его страх.
Его огромное, почти невыносимое желание выбраться наружу.
— Кто ты? — повторила я мысленно.
Ответ прозвучал так близко, что я вздрогнула.
— Твоя.
Мне хотелось сказать, что это невозможно.
Что у меня никогда не было волчицы.
Что я прожила тридцать три года, не услышав ни единого ответа на бесконечные попытки обратиться к собственному зверю.
Но внутри темноты вдруг открылись два глаза.
Серебристо-серые.
И я увидела ее.
Большую волчицу с темной шерстью, по которой проходили светлые, почти белые полосы.
Она стояла за чем-то похожим на полупрозрачную стену.
По стене расползались трещины.
Волчица медленно приблизилась.
Я почувствовала ее дыхание.
Настоящее.
Теплое.
Живое.
— Ты... существуешь?
Она оскалилась.
Не на меня.
Куда-то за мою спину.
— Он держал.
Я не поняла.
— Кто?
— Держал. Забирал.
По ее голосу я слышала, каким усилием даются ей слова.
Словно она только училась говорить после очень долгого молчания.
И тут треснувшая стена рухнула.
Сквозь меня прошла волна такой силы, что я выгнулась всем телом.
В храме кто-то закричал.
Я открыла глаза.
Свет на алтаре стал ослепительно ярким.
Черные прожилки разорвались.
Нить между мной и Ратмиром лопнула.
Меня отбросило назад.
Я едва удержалась на ногах.
Но Ратмир...
Он упал на колени.

Тяжело ударился ладонями о каменный пол.
И издал странный, почти звериный звук.
Вокруг него погасло серебряное сияние.

Несколько секунд никто не двигался.
Я стояла возле алтаря, прижимая руку к груди, и пыталась дышать.
Боль ушла так внезапно, будто ее никогда не существовало.
Осталась слабость.
Сильная.
Но совсем другая.

Раньше я чувствовала себя так, словно кто-то постоянно вытягивал из меня последние силы.

Теперь тело было измотано, однако под усталостью появилось нечто новое.
Тепло.

Глубокое и устойчивое.
Словно во мне наконец заработало сердце, существование которого я прежде не замечала.

Я подняла ладонь.
На внутренней стороне запястья медленно проявлялся узор.
Тонкий.
Серебристый.
Похожий на переплетенные ветви.
Он появился на несколько мгновений, затем начал бледнеть.
— Невозможно, — выдохнула Селена.

Ратмир поднялся с пола.
Лицо его побелело.
— Что вы сделали?!

Он смотрел на хранительницу с такой яростью, что один из младших служителей отступил.

— Вы повредили печать!
— Печать расторгнута согласно вашему требованию, — ответила Селена.
— Тогда почему...

Он резко замолчал.
Потому что в этот момент попытался сделать то, к чему привык.
Расправил плечи.
Выпрямился.

И выпустил альфью ауру.
Я знала это ощущение.

Девять лет рядом с Ратмиром научили меня распознавать его силу даже с закрытыми глазами.

Обычно в такие минуты воздух будто наполнялся тяжелым давлением.
Слабые оборотни невольно опускали головы.
Служители переставали двигаться.
Люди начинали говорить тише.
Сегодня давление тоже появилось.
Но гораздо слабее.
По воздуху словно прокатилась короткая волна.
И тут же исчезла.
Ратмир посмотрел на собственные руки.

Его глаза расширились.

— Что...

Он попытался снова.

Серебристый свет вспыхнул вокруг плеч.

На мгновение я увидела знакомый силуэт огромного волка.

А потом сияние рассыпалось.

Ратмир схватился за край алтаря.

— Где моя сила?!

Селена медленно закрыла книгу.

Ее лицо было очень серьезным.

— Альфа Арден, я рекомендую вам пройти обследование у независимого магического целителя.

— Я спросил, где моя сила!

— Ваша природная сила осталась при вас, — ответила хранительница. — Но часть магического потока, проходившего через брачную печать, больше не поступает.

Наступила тишина.

Ратмир повернул голову ко мне.

Я увидела в его глазах подозрение.

— Мира.

Мне не понравилось, как он произнес мое имя.

Не как мужчина, только что потерявший жену.

Как хозяин, обнаруживший пропажу ценной вещи.

— Что ты сделала?

Я посмотрела на него.

— Я?

— Ты что-то скрывала.

Я даже не сразу поняла, о чем он говорит.

— Ратмир, я едва не потеряла сознание.

— Что это за знак на твоей руке?

Я машинально прикрыла запястье.

Узор почти исчез.

— Не знаю.

Он шагнул вперед.

— Покажи.

И тут голос внутри меня снова прозвучал.

— Нет.

Я вздрогнула.

Волчица.

Она действительно была здесь.

Не сон.

Не галлюцинация.

Не плод моего воображения.

Она находилась внутри меня.

И сейчас с каждой секундой становилась сильнее.

— Не подходи, — сказала я Ратмиру.

Он остановился.

На мгновение в его лице появилось удивление.

— Что?

— Не подходи ко мне.

Его глаза сузились.

— Мирослава, ты забываешься.

Я смотрела на мужчину, которому девять лет уступала во всем.

На человека, чьи желания постепенно стали важнее моих.

И вдруг поняла, что не хочу больше этого делать.

Даже сейчас.

Особенно сейчас.

— Мы разведены, — сказала я.

Ратмир резко повернулся к Селене.

— Обряд завершен?

Хранительница посмотрела на светящуюся воду.

Она стала прозрачной.

На алтаре больше не было соединяющей нити.

— Да, — ответила она. — Брачная печать разрушена. Союз расторгнут.

Элина поднялась со скамьи.

— Ратмир...

Он даже не посмотрел на нее.

Продолжал смотреть на меня.

— Нам нужно поговорить наедине.

Я покачала головой.

— Нет.

Волчица внутри тихо зарычала.

И тут произошло нечто совершенно неожиданное.

Я почувствовала чужое присутствие.

Не рядом.

Не в храме.

Глубже.

Словно кто-то находился совсем близко к невидимой границе моего сознания.

Сильный.

Незнакомый.

Но почему-то до боли понятный.

От этого ощущения у меня закружилась голова.

Я схватилась за край алтаря.

Волчица замерла.

А затем резко подняла голову.

— Он.

Я мысленно переспросила:

— Кто?

Она сделала шаг вперед.

Я почти физически ощутила движение ее лап.

— Он здесь.

Мне стало трудно дышать.

Я посмотрела на Ратмира.

Нет.

Волчица не смотрела на него.

Она словно отвернулась от бывшего мужа.

С презрением.

С той окончательной уверенностью, которой мне самой пока не хватало.

— Не он, — сказала она.

И я вдруг поняла, что должна повернуть голову.
Не знаю почему.
Просто почувствовала.
Слева от алтаря находилась дальняя колонна.
Там стоял Кай Норд.
Я посмотрела на него.
Наши взгляды встретились.
И мир изменился.

Ничего похожего я не испытывала за всю жизнь.
Меня не ослепило.
Не лишило способности думать.
Я прекрасно видела зал.
Алтарь.
Селену.
Ратмира, стоявшего всего в нескольких шагах.
Но одновременно с этим почувствовала, что внутри меня раскрывается огромное пространство.

Волчица поднялась во весь рост.
Ее шерсть встала дыбом.
Она смотрела куда-то сквозь меня.
На Кая.
И в ее голосе впервые не было злости.
— Наш.
Я вцепилась пальцами в край алтаря.
— Нет, — прошептала я.
Не потому, что знала наверняка.
Потому что не могла поверить.
За несколько минут я получила больше невозможного, чем за всю предыдущую жизнь.
Сначала волчица.
Теперь...
Нет.
Я не собиралась снова позволять какой-то древней силе решать мою судьбу.
Но волчица не требовала.
Она просто смотрела.
И я чувствовала ее радость.
Острую.
Почти болезненную.
Кай стоял неподвижно.
Однако его лицо изменилось.
Он резко вдохнул.
Пальцы на правой руке сжались.
Светло-серые глаза на мгновение стали почти белыми.
Мужчина сделал шаг.
Потом остановился.
Я увидела, каким усилием далась ему эта остановка.
Его спутник быстро повернулся к нему.
— Кай?
Норд не ответил.

Он смотрел только на меня.
На мгновение я почувствовала совсем другое присутствие.
Огромного волка.
Сильного.
Темного, как зимняя ночь.
Я не слышала его мыслей. Только чувствовала ответный волчий отклик — такой же отчетливый, как волнение моей волчицы.
Селена резко выпрямилась.
— Святые Луны...
По алтарю пробежал свет.
Не тот слабый серебряный отблеск, который я видела между Ратмиром и Элиной на празднике.
Теперь свет исходил от меня.
От моей кожи.
От тонкого узора на запястье.
Он тянулся в сторону Кая.
Но не соединял нас.
Останавливался между нами, словно ожидал решения.
Я смотрела на серебряные нити и почти не понимала происходящего.
— Мирослава, — тихо произнес Кай.
Он впервые назвал меня по имени.
Без титула.
Без фамилии бывшего мужа.
Моя волчица снова издала короткий довольный звук.
Я с трудом заставила себя ответить:
— Что происходит?
Кай посмотрел на Селену.
Та стояла с раскрытой книгой.
На ее лице смешались удивление и тревога.
— Истинный отклик, — произнесла она.
В зале стало так тихо, что я услышала, как где-то под потолком потрескивает старый светильник.
— Что? — спросил Ратмир.
Хранительница повернулась к нему.
— Во время разрыва брачной печати у госпожи Мирославы пробудилась волчица.
— Это невозможно.
— Однако произошло.
Ратмир резко покачал головой.
— Ее проверяли десятки раз! У нее нет зверя!
Я почувствовала, как внутри меня поднимается возмущенное рычание.
Волчица прекрасно расслышала его слова.
— Есть, — тихо сказала я.
Собственный голос показался чужим.
Я снова посмотрела на Кая.
Он не улыбался.
Не торжествовал.
Наоборот, выглядел так, будто получил известие, которое полностью разрушило его планы.
Селена продолжила:

— Пробужденная волчица признала истинную пару.
Ратмир перевел взгляд с меня на Кая.
Его лицо стало совершенно белым.
— Нет.
Никто не ответил.
— Нет! — повторил он громче. — Этого не может быть!
Кай медленно повернулся к нему.
— Я бы тоже предпочел, чтобы подобное произошло в других обстоятельствах.
Его голос был спокойным.
Но я слышала в нем напряжение.
Ратмир шагнул к нему.
— Ты что-то сделал!
Старший спутник Кая мгновенно приблизился.
Однако сам Норд поднял руку.
Не глядя на него.
И мужчина остановился.
— Я стоял здесь все время, Арден.
— Ты заранее все знал!
— Нет.
Одно короткое слово.
И почему-то я поверила.
Ратмир рассмеялся.
Неприятно.
Почти истерически.
— Значит, так. Ясно.
Он повернулся ко мне.
— Вот почему ты так легко согласилась на развод?
Я смотрела на него, не понимая.
— Что?
— Ты уже нашла замену?
Во мне вспыхнул гнев.
— Ты сейчас серьезно?
— Не притворяйся невинной!
Кай сделал шаг вперед.
— Арден.
На этот раз его голос стал заметно жестче.
Ратмир не обратил внимания.
— Ты думаешь, я поверю, что девять лет она была безволчицей, а теперь вдруг признает истинным именно тебя?!

— Я сама ничего не понимаю! — сказала я.
Но муж словно перестал слышать.
Он смотрел на Кая.
— Ты решил воспользоваться моим разводом?
— Осторожнее со словами, — ответил тот.
— Или она сама предложила тебе...
— Достаточно.
Кай произнес это негромко.
Но по залу прокатилась волна силы.
Настоящей.

Глубокой.

Я почувствовала, как она коснулась кожи.

Не больно.

Скорее как холодный ветер.

Несколько младших хранителей невольно склонили головы.

Один из них даже сделал шаг назад.

Ратмир замер.

Я увидела, что ему трудно сохранять спокойствие.

Кай продолжил:

— Госпожа Мирослава только что пережила тяжелый разрыв брачной печати. Ваши обвинения не имеют никакого отношения к тому, что произошло.

— Она моя жена!

— Была, — поправила Селена.

Ратмир резко повернулся.

— Не вмешивайтесь!

Хранительница выпрямилась.

— Вы находитесь в храме Лунного совета, господин Арден. И я обязана зафиксировать результаты обряда.

Она закрыла книгу.

— Брак расторгнут. Прежняя связь разрушена. Новая истинная связь обнаружена, но не закреплена.

Я услышала последнее слово.

Не закреплена.

Значит, еще ничего не решено.

Я посмотрела на собственное запястье.

Серебряные линии медленно исчезали.

Моя волчица больше не рычала.

Она наблюдала.

И ждала.

Ратмир не собирался сдаваться.

Он подошел ко мне быстрыми шагами.

— Мирослава, посмотри на меня.

Я подняла голову.

— Смотрю.

— Ты немедленно прекратишь этот фарс.

— Какой фарс?

— Я не позволю опозорить мою стаю!

Я вдруг почувствовала странное спокойствие.

Наверное, потому что внутри меня окончательно исчезло желание оправдываться.

— Ратмир, ты сам сегодня расторг наш брак.

— Не в этом дело.

— А в чем?

Он тяжело дышал.

Сила вокруг него то появлялась, то исчезала.

Я заметила, что одна из серебряных застежек на его костюме потускнела.

Раньше при активации альфьей ауры она всегда светила.

Теперь оставалась обычным металлом.

— Ты не уйдешь с Нордом, — произнес муж.

Я посмотрела на него.

— Я еще никуда не собиралась.

— Тогда возвращайся в резиденцию. Мы во всем разберемся.

— Мне нечего там делать.

— Мира...

Он протянул руку.

Я отступила.

И тогда он приказал:

— Мирослава Арден. Ко мне.

Его голос изменился.

Стал ниже.

Жестче.

Я узнала этот тон.

Альфийский приказ.

Раньше он ощущался как тяжелая рука на затылке.

Я могла спорить, сопротивляться, сердиться, но внутри всегда возникало болезненное желание подчиниться.

Даже когда распоряжение не касалось меня непосредственно.

Однажды Ратмир приказал всем присутствующим покинуть зал совета после неприятного совещания.

Я тоже встала.

Хотя он не обращался ко мне.

Потом он сказал, что это естественная реакция слабой женщины на сильную альфью ауру.

Я тогда поверила.

Сейчас приказ прозвучал.

Я слышала каждое слово.

Поняла его смысл.

И ничего не почувствовала.

Вообще.

Ни давления.

Ни желания двигаться.

Ни привычного страха послушаться.

Только удивление.

Ратмир ждал.

Я стояла на месте.

Прошло несколько секунд.

— Мирослава, — повторил он.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Не приказывай мне.

На мгновение он растерялся. Я увидела это по его лицу.

Ратмир был мужчиной, которому редко отказывали.

Но еще реже его приказы оказывались бессильны.

Он попытался снова выпустить альфью ауру.

По залу прошла слабая серебряная волна.

Я ощутила ее.

Но волчица внутри меня лишь раздраженно фыркнула.

И я не двинулась.

— Невозможно, — прошептал Ратмир.

Я медленно выдохнула.

Девять лет он был центром моего мира.
Теперь стоял передо мной и не мог заставить сделать даже один шаг.
Я не понимала, что произошло с моей магией.
Не знала, почему проснулась волчица.
Не представляла, что означает признание Кая истинной парой.
Но одно знала совершенно точно.
— Меня больше не зовут Мирослава Арден, — сказала я.
Ратмир поднял голову.
— Что?
— Брак расторгнут. Я возвращаю девичью фамилию.
Он открыл рот.
Я не дала ему ответить.
— Мирослава Ветрова. Запомни.
Впервые за два дня эти слова доставили мне настоящее удовольствие.
Не радость.
До нее было еще далеко.
Но хотя бы небольшое чувство собственного достоинства, которое я почти забыла.
Ратмир посмотрел на меня так, словно видел незнакомую женщину.
Возможно, так и было.
Я сама пока не понимала, кем становлюсь.

Селена настояла, чтобы я прошла в соседнюю комнату для отдыха.
Врач храма проверил мое состояние.
Убедился, что сердце бьется ровно.
Измерил температуру.
Несколько раз попытался прослушать магический поток.
Каждый раз хмурился все сильнее.
— У вас необычная реакция, — наконец признал он.
Я сидела в кресле, завернувшись в плотное шерстяное покрывало.
— Насколько необычная?
— Прежде я не встречал пробуждения волчицы во время расторжения брака.
— Значит, такое невозможно?
— Я бы не стал делать подобные выводы после того, что собственными глазами видел сегодня.

Хороший ответ.
По крайней мере, честный.
Я посмотрела на запястье.
Знак исчез.
Но если присмотреться, под кожей все еще различались тонкие светлые линии.
— Что это?
Врач наклонился.
Его выражение изменилось.
— Возможно, следы древней печати.
— Какой?
— Не могу сказать без исследований.
За последние полчаса я слышала эту фразу уже несколько раз.
Она начала раздражать.
— А волчица?
— Что с ней?

Я помедлила.
— Она действительно моя?
Врач посмотрел на меня с удивлением.
— Разумеется.
— Но я никогда ее не слышала.
— Теперь слышите?
Я закрыла глаза.
Внутри было непривычно тихо.
Но это оказалась совсем другая тишина.
Не пустая.
Я чувствовала чье-то присутствие.
Как если бы за соседней дверью кто-то ходил по комнате.
Осторожно.
Прислушиваясь.
— Да, — ответила я.
И тут же услышала:
— Слышу.
Я распахнула глаза.
Врач встревоженно подался вперед.
— Что случилось?
Я не знала, смеяться или плакать.
— Она ответила.
Он улыбнулся.
Впервые за время осмотра.
— Тогда поздравляю, госпожа Ветрова.
Я посмотрела на него.
Он произнес мою фамилию совершенно естественно.
И от этого стало неожиданно хорошо.
— Спасибо.
Врач выписал несколько укрепляющих средств и рекомендовал отдых.
Селена вернулась спустя десять минут.
В руках она держала папку.
— Обряд официально завершен, — сообщила она. — Документы готовы.
Я выпрямилась.
— Уже?
— Да.
Она положила передо мной листы.
На первом стояли имена.
Ратмир Арден.
Мирослава Ветрова.
Дата расторжения.
Подписи свидетелей.
И печать Лунного совета.
Я долго смотрела на эти строки.
Девять лет закончились.
Не громом.
Не молнией.
Чернилами на плотной бумаге.

— Вторая копия будет направлена в резиденцию Серебряного Бора, — сказала Селена.
— Ваш экземпляр можете забрать сейчас.

Я провела пальцем по собственной фамилии.

— Благодарю.

Хранительница присела напротив.

— Мне нужно предупредить вас об одном обстоятельстве.

Я насторожилась.

— Каком?

— Магическая запись вашего брака содержит признаки вмешательства.

Я посмотрела на нее.

— Вы говорили о вторичной привязке.

— Да. Пока мы не установили ее природу, но подобное не относится к обычной процедуре заключения союза.

Я вспомнила боль во время обряда.

Темные прожилки в серебряной нити.

Ратмира, который словно потерял часть собственной силы.

— Это могло причинять мне вред?

Селена помолчала.

— Да.

От ее прямого ответа мне стало страшнее, чем от всех осторожных формулировок врача.

— Кто мог это сделать?

— Мы должны изучить архивную запись. И прежде чем обвинять кого-либо, необходимо получить доказательства.

Я кивнула.

— Понимаю.

— Вы имеете право потребовать независимого расследования.

— И я потребую.

Она посмотрела на меня с одобрением.

Потом добавила:

— И еще. Истинная связь с альфой Нордом официально зафиксирована как обнаруженная.

Я почувствовала, как волчица внутри меня насторожилась.

— Это что-то меняет?

— Не в вашем юридическом положении. Вы свободная женщина. Ни один закон не обязывает вас признавать истинную пару.

— Даже если моя волчица уже признала его?

— Даже тогда.

Я медленно выдохнула.

Оказалось, именно этот ответ мне был нужен больше всего.

Селена закрыла папку.

— Сегодня произошло многое. Не принимайте решений, пока не восстановитесь.

Я посмотрела на нее.

— Вы знаете Кая Норда?

Она помедлила.

— По службе. Он неоднократно представлял Северный Предел перед советом.

— Что он за человек?

Селена некоторое время выбирала слова.

— Не самый простой.

Я невольно улыбнулась.

— Это я уже заметила.

— Он привык к ответственности и не любит, когда его пытаются обмануть. Но, насколько мне известно, никогда не нарушал добровольно данного слова.

Она встала.

— Впрочем, вам лучше составить собственное мнение.

После ее ухода я еще несколько минут сидела в кресле.

В руках лежало свидетельство о разводе.

Внутри меня находилась волчица.

А где-то за дверью был мужчина, которого она считала своим.

Я закрыла глаза.

— Ты здесь? — мысленно спросила я.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом я услышала короткое:

— Да.

У меня перехватило дыхание.

— Почему ты молчала столько лет?

На этот раз ответа пришлось ждать дольше.

Внутри появилась странная тяжесть.

Будто волчица вспоминала что-то неприятное.

— Темно.

Я нахмурилась.

— Что темно?

— Было темно. Тесно.

Я сжала пальцы на покрывале.

— Кто тебя запер?

Волчица тихо зарычала.

Потом ответила:

— Не знаю.

Я открыла глаза.

В комнате никого не было.

За окном двигались ветви сосен.

Несколько секунд я сидела совершенно неподвижно.

Потому что впервые за всю жизнь поняла: возможно, со мной происходило нечто гораздо более страшное, чем просто отсутствие волчицы.

Когда я вышла из комнаты отдыха, в коридоре ждал Кай Норд.

Он стоял возле окна и разговаривал со своим седовласым спутником.

Увидев меня, мужчины замолчали.

Спутник слегка поклонился и отошел.

Кай повернулся ко мне.

Вблизи он казался еще крупнее.

Я подняла голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

И тут почувствовала, как волчица внутри меня оживилась.

Она словно поднялась на лапы.

Потянулась к незнакомому присутствию.

Мне стало жарко.

Совершенно неуместно.

Я только что развелась.

Мой муж изменял мне с сестрой.

Я была вымотана, напугана и ничего не понимала.
А собственная волчица вела себя так, словно происходило нечто замечательное.
— Госпожа Ветрова, — произнес Кай.
Я вздрогнула от новой фамилии.
Он заметил.
— Непривычно?
— Немного.
— Могу обращаться по имени.
Я посмотрела на него.
— Пока не знаю, будет ли это уместно.
Его губы едва заметно дрогнули.
— Разумно.
Мы помолчали.
Я чувствовала, что он тоже испытывает странное напряжение.
Но в отличие от меня, умел его скрывать.
— Как вы себя чувствуете? — спросил Кай.
Вопрос был простой.
Без скрытого требования.
И я неожиданно решила ответить честно.
— Ужасно.
Он кивнул.
— Понимаю.
Я невольно приподняла бровь.
— Правда?
— Не полностью. Но могу представить, что сегодняшний день оказался сложнее, чем вы ожидали.
Я посмотрела на него внимательнее.
— Вы всегда разговариваете настолько осторожно?
— Когда не хочу напугать человека — стараюсь.
Я удивилась.
— Вы боитесь меня напугать?
Кай посмотрел мне прямо в глаза.
— Да.
Ответ прозвучал неожиданно серьезно.
Я отвела взгляд первой.
Волчица внутри недовольно заворчала.
— Прекрати, — мысленно попросила я.
— Не хочу.
Мне едва удалось сохранить спокойное лицо.
Кай слегка наклонил голову.
— Что-то не так?
— Моя волчица спорит со мной.
Он помолчал.
Потом на его лице появилась настоящая улыбка.
Совсем небольшая.
Но от нее суровые черты неожиданно изменились.
— Поздравляю. Это хороший признак.
Я удивленно посмотрела на него.
— Хороший?

— Значит, она чувствует себя достаточно уверенно, чтобы высказывать собственное мнение.

— Она только что проснулась.

— Судя по тому, что я видел в храме, молчать ей уже надоело.

Я неожиданно рассмеялась.

Тихо.

Но по-настоящему.

И тут же почувствовала себя виноватой.

Разве можно смеяться через час после развода?

Кай, кажется, заметил перемену.

— Вы не обязаны испытывать только одно чувство, Мирослава.

Я подняла глаза.

Он назвал меня по имени так естественно, будто давно знал.

— Откуда вы знаете, что я чувствую?

— Не знаю.

Он слегка развел руками.

— Но вы сейчас выглядели так, словно собирались извиниться за улыбку.

Я промолчала.

Потому что он угадал.

Кай посмотрел на папку у меня в руках.

— Документы готовы?

— Да.

— Вы решили, куда поедете?

Я насторожилась.

— Пока нет.

— В резиденцию Ардена?

— Нет.

Ответ получился слишком быстрым.

Но я не собиралась его исправлять.

— В Белый Уступ?

— Возможно.

Кай некоторое время молчал.

Потом произнес:

— У меня есть предложение.

Внутри все напряглось.

Предложение.

От мужчины, которого моя волчица признала истинным.

Через час после развода.

Я почти физически приготовилась защищаться.

Кай заметил.

— Не то, о чем вы подумали.

— Вы не знаете, о чем я подумала.

— Полагаю, о чем-то, связанном с браком.

Я покраснела.

Он спокойно продолжил:

— Я предлагаю вам временно остановиться в Северном Пределе.

Я уставилась на него.

— Зачем?

— Потому что там есть безопасное жилье, целители, знакомые с редкими формами магического истощения, и люди, которые не станут выполнять распоряжения вашего бывшего мужа.

Последние слова заставили меня насторожиться.

— Вы считаете, что Ратмир может причинить мне вред?

Кай посмотрел в сторону зала.

— Я считаю, что сегодня он потерял больше, чем ожидал.

Я вспомнила его лицо.

Страх.

Гнев.

Неверие.

— Он никогда не поднимал на меня руку, — сказала я.

— Я этого не утверждал.

— Тогда почему...

— Мирослава, — мягко перебил Кай, — вам не обязательно сейчас соглашаться. Я лишь предлагаю вариант.

Я посмотрела на него.

Никаких требований.

Никаких приказов.

Даже уверенности, что я приму приглашение.

Это было настолько непривычно, что я не сразу нашла слова.

— А что вы хотите взамен?

Кай не отвел взгляда.

— Ничего.

Я невольно усмехнулась.

— Так не бывает.

Он помолчал.

— Бывает редко.

— Вы альфа Северного Предела. Почему вам понадобилось помогать незнакомой женщине?

В его лице что-то изменилось.

Очень быстро.

Почти незаметно.

Он посмотрел на мои руки.

На документы.

Потом снова на меня.

— Потому что сегодня между нами возникла связь, которую я не ожидал. И потому что вы оказались в положении, когда помощь может пригодиться.

Я почувствовала, как внутри меня потеплело.

Но не позволила этому чувству управлять разговором.

— Истинная связь не обязывает меня становиться вашей женой?

— Нет.

— Не обязывает жить рядом с вами?

— Нет.

— И вы не станете требовать, чтобы я признала вас своим альфой?

Кай посмотрел на меня с выражением, которого я не сумела сразу понять.

Кажется, он был удивлен.

И немного рассержен.

Не на меня.

— Нет, Мирослава.

Он произнес это особенно отчетливо.

— Вы можете прожить в Северном Пределе неделю, месяц или уехать на следующий день. Если найдете другое место, я помогу добраться туда. Ваше решение не требует моего одобрения.

Я смотрела на него.

— Почему вы так говорите?

— Как?

— Словно я действительно могу выбирать.

Он помолчал.

А потом ответил:

— Потому что можете.

Я опустила глаза.

Странно.

За последние два дня я слышала столько жестоких слов, что они почти перестали причинять новую боль.

А эти несколько простых фраз почему-то оказались гораздо труднее.

Мне захотелось поверить.

И одновременно стало страшно.

Потому что я уже однажды верила мужчине, который обещал, что моя волчица не имеет значения.

Кай отступил на шаг.

— Вы не обязаны отвечать сейчас.

Он достал небольшую карточку.

Протянул мне.

На ней был указан номер телефона.

— Если решите поехать самостоятельно, сообщите. Я попрошу подготовить жилье.

Я взяла карточку.

Наши пальцы едва коснулись друг друга.

И внутри меня снова поднялась волна тепла.

Я резко отдернула руку.

Кай тоже замер.

Его глаза на мгновение стали светлее.

Мы молча смотрели друг на друга.

Волчица внутри меня издала довольное, почти насмешливое ворчание.

— Прекрати, — мысленно повторила я.

Она не послушалась.

Я спрятала карточку в сумочку.

— Мне нужно подумать.

— Конечно.

Кай слегка склонил голову.

— И еще, Мирослава.

Я остановилась.

— Да?

Он посмотрел на меня очень серьезно.

— Не позволяйте никому убеждать вас, что сегодняшнее пробуждение делает вас чьей-то собственностью. Даже моей.

Я не сразу нашла ответ.

— Хорошо.

Он отступил, освобождая дорогу.

Я прошла мимо.

И только за поворотом поняла, что впервые с начала дня чувствую себя не совершенно потерянной.

Ратмир ждал у выхода из храма.

Один.

Элины рядом не было.

Он стоял возле черной машины и разговаривал по телефону.

Увидев меня, резко оборвал разговор.

— Мира.

Я остановилась.

— Что еще?

Он посмотрел на документы у меня в руках.

Потом на лицо.

— Ты разговаривала с Нордом?

Я устало вздохнула.

— Да.

— О чем?

— Это не твое дело.

Муж словно не сразу понял услышанное.

— Что?

Я подняла голову.

— Ратмир, мы разведены. Ты больше не обязан объяснять мне, куда ездил с Элиной. А я не обязана отчитываться о своих разговорах.

Его лицо потемнело.

— Ты не понимаешь, с кем связалась.

Я посмотрела на него.

— Тогда объясни.

Он замолчал.

Я ждала.

Ратмир отвел глаза.

— Норд опасен.

— Для кого?

Он резко повернулся.

— Для всех, кто оказывается рядом.

— Это официальное предупреждение?

— Я пытаюсь тебя защитить!

Мне захотелось спросить, почему защищать меня он решил только сейчас.

Но я устала спорить.

— Спасибо. Я учту твоё мнение.

Я направилась к машине.

Ратмир схватил меня за локоть.

На этот раз не сильно.

Скорее отчаянно.

— Мира, подожди.

Я обернулась.

Он смотрел на меня необычным взглядом.

Растерянным.

Почти испуганным.

— Ты правда ничего не знала о своей волчице?
Я почувствовала, как внутри все напряглось.
— Ничего.
Он изучал мое лицо.
— Совсем?
— Ратмир, я тридцать три года пыталась ее услышать.
Он сглотнул.
— А теперь...
— Теперь она здесь.
Я впервые произнесла это вслух.
И почувствовала, как волчица внутри меня тихо откликнулась.
Ратмир посмотрел на мое запястье.
— Покажи знак.
Я прикрыла руку.
— Нет.
— Мира...
— Почему тебя так интересует моя печать?
Он помолчал.
Слишком долго.
Потом отвел глаза.
— Я просто хочу понять, что произошло.
Я смотрела на него.
Вспомнила черные прожилки в брачной нити.
Слова Селены о вторичной привязке.
Ратмира, который после разрыва потерял часть своей силы.
Впервые за девять лет мне пришла мысль, которую я прежде не позволила бы себе даже сформулировать.
А что, если мой муж знал о моей магии больше, чем я сама?
— Ты что-нибудь сделал с нашей брачной печатью? — спросила я.
Он резко поднял голову.
— Что?
— Во время церемонии хранительница обнаружила дополнительную привязку.
Ратмир застыл.
Это длилось всего мгновение.
Но я заметила.
— Ты ничего не понимаешь в брачной магии, — произнес он.
— Именно поэтому спрашиваю.
— Не слушай Норда. Он наверняка уже наговорил тебе всякого.
— Кай вообще не говорил со мной о печати.
Имя вырвалось само.
Ратмир стиснул зубы.
— Уже Кай?
Я не стала отвечать.
Он попытался взять меня за руку.
На этот раз я отступила прежде, чем он успел прикоснуться.
— Прощай, Ратмир.
Он смотрел на меня.
Несколько долгих секунд.
Потом вдруг произнес:

— Ты пожалеешь.
Я остановилась.
— О чем?
Он открыл рот.
Но не нашел ответа.
Или не захотел его произносить.
Я посмотрела на него в последний раз.
На мужчину, которого любила девять лет.
На человека, рядом с которым так долго пыталась стать лучше, удобнее, правильнее.
Теперь он стоял передо мной.
Красивый.
Сильный.
Привыкший получать желаемое.
Но впервые за все годы брака я не чувствовала необходимости успокоить его.
Я повернулась к машине.
Ратмир снова схватил меня за запястье.
— Я не закончил разговор.
Я остановилась и посмотрела на его руку.
Раньше мне даже в голову не пришло бы потребовать, чтобы он меня отпустил. Я бы просто дождалась, пока муж договорит, а потом снова попыталась объяснить, почему не согласна.
Но теперь все было иначе.
— Убери руку, Ратмир.
Он нахмурился.
— Мира, перестань вести себя как обиженный ребенок.
— Я попросила тебя убрать руку.
Его пальцы сжались чуть крепче.
Не настолько, чтобы причинить настоящую боль, но вполне достаточно, чтобы я почувствовала привычное желание уступить и не обострять ситуацию.
И тут моя волчица зарычала.
Не где-то в лесу.
Не в воспоминаниях.
Прямо внутри меня.
Низко, угрожающе, с таким искренним негодованием, что я невольно выпрямилась.
— Не трогай, — произнесла она.
В следующий миг меня охватило странное тепло.
Оно поднялось от груди к плечам, добралось до запястья, и там, под пальцами Ратмира, вспыхнул тонкий серебряный узор.
Муж резко отдернул руку.
— Что за...
Он посмотрел на собственную ладонь.
На коже проступила красная полоса, похожая на след от горячего металла.
Я испугалась не меньше его.
— Я этого не делала.
Ратмир поднял глаза.
— Значит, твоя новоявленная волчица делает что хочет?
— Я не знаю, как она работает!
— Прекрасно. Моя бывшая жена внезапно получила неизвестную силу, а теперь собирается уехать с моим врагом.
Я замерла.

— С твоим врагом?

Муж стиснул челюсти.

На мгновение мне показалось, что он скажет что-то важное.

Но Ратмир отвел взгляд.

— Не имеет значения.

— Если ты называешь человека своим врагом, для этого должна быть причина.

— Мирослава, я не обязан обсуждать с тобой политические отношения между стаями.

Я посмотрела на него.

— Конечно. Как и все остальные девять лет.

Он поморщился.

— Опять начинаешь?

— Нет, Ратмир. Именно заканчиваю.

Я обошла его и направилась к машине.

На этот раз он не попытался меня остановить.

Но когда водитель открыл дверцу, бывший муж произнес мне в спину:

— Ты вернешься, Мира.

Я остановилась.

— Что?

— Сейчас ты злишься. Тебе кажется, что стоит уехать подальше, и все изменится. Но ты не знаешь, как живут другие стаи. Не представляешь, что требуется от женщины рядом с таким альфой, как Норд.

Я медленно повернулась.

Ратмир смотрел на меня почти снисходительно.

Словно объяснял ребенку очевидную вещь.

— Ты привыкла к спокойной жизни, — продолжил он. — К удобствам, к людям, которые заботятся о тебе. В Северном Пределе этого не будет.

Мне вспомнились две семьи, которым я лично возила продовольствие зимой.

Сломанный мост, через который мы переправляли больного мальчика.

Бессонные ночи во время вспышки лихорадки.

И десятки хозяйственных споров, которые Ратмир считал слишком незначительными для своего внимания.

— Неужели? — спросила я.

Он не уловил насмешки.

— Тебе придется очень быстро понять, что не каждый мужчина готов терпеть твои недостатки.

Вот тогда я окончательно перестала ждать от него чего-то хорошего.

Не извинения.

Не признания собственной вины.

Даже не простого человеческого сожаления.

Все это время Ратмир действительно считал, что оказывает мне услугу.

— Возможно, — ответила я. — Но теперь это мои проблемы.

Я села в машину.

И закрыла дверь.

По дороге к резиденции я несколько раз доставала телефон.

Сначала хотела позвонить в гостиницу Белого Уступа.

Потом вспомнила, что почти все мои деньги находились на личном счете, к которому Ратмир доступа не имел. Этого хватило бы на несколько месяцев спокойной жизни.

Можно было снять квартиру.

Можно было поехать на юг.

Можно было вообще покинуть территории великих стай и начать все заново.

Но существовала проблема, о которой я пока старалась не думать.

Моя волчица.

Она действительно проснулась.

Порой я слышала ее дыхание. Иногда ощущала движение, похожее на прикосновение изнутри.

А когда думала о Кае Норде, в груди возникало совершенно необъяснимое тепло.

Я попыталась мысленно обратиться к ней.

— Ты меня слышишь?

Ответа не последовало.

— Ты ведь слышала все, что говорил Ратмир?

Тихое рычание.

Я невольно улыбнулась.

— Тебе он тоже не нравится?

— Лжец.

Улыбка исчезла.

Я опустила телефон.

— Почему?

Долгое молчание.

Потом волчица произнесла:

— Больно. Долго.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Он делал тебе больно?

На этот раз ответа не было.

Только тяжелое ощущение усталости.

Словно она пыталась вспомнить нечто страшное, но воспоминания рассыпались прежде, чем обрели форму.

Я не стала настаивать.

За окном мелькали знакомые деревья.

Через несколько минут должна была показаться резиденция.

Я вдруг поняла, что не хочу возвращаться туда даже для того, чтобы забрать вещи.

Агата встретила меня в холле.

Она сразу заметила папку с документами.

— Все закончилось?

Я кивнула.

Управляющая посмотрела на меня внимательнее.

— Вы очень бледная.

— Сегодня был необычный день.

— Госпожа...

— Агата, у меня появилась волчица.

Она замерла.

Несколько секунд просто смотрела.

Потом медленно поставила на стол связку ключей.

— Простите?

— Во время обряда. Брачную печать разорвали, и она проснулась.

Управляющая приложила ладонь к груди.

— Святая Луна...

— Именно так сказала хранительница.
Агата неожиданно рассмеялась.
Потом схватила меня за руки.
— Мирослава!
Я вздрогнула от радости в ее голосе.
Настолько искренней, что в горле тут же появился болезненный комок.
— Вы представляете, что это значит?!
— Пока нет.
— Но столько лет...
Она осеклась.
Я увидела, как меняется выражение ее лица.
Радость уступила место тревоге.
— Господин альфа знает?
— Он присутствовал.
— И что сказал?
Я устало улыбнулась.
— Обвинил меня в том, что я что-то скрывала.
Агата медленно отпустила мои руки.
— Разумеется.
Она произнесла это с таким презрением, что я невольно подняла брови.
— Вы рискуете потерять работу.
— В моем возрасте это перестает быть самым страшным событием в жизни.
Я не удержалась от короткого смешка.
Управляющая посмотрела на лестницу.
— Ваши вещи готовы. Я распорядилась перенести чемоданы в холл.
— Спасибо.
— Куда отправить?
Я помолчала.
— Пока не решила.
Агата нахмурилась.
— Тогда останьтесь на несколько дней у моей племянницы.
— Не хочу подвергать вас опасности.
— Не говорите глупостей.
— Ратмир сейчас очень зол. И у него возникли какие-то проблемы с магией.
Управляющая замерла.
— Какие проблемы?
— После развода его сила заметно ослабла.
Она долго смотрела на меня.
Затем медленно опустилась на стул.
— Так вот почему...
Я насторожилась.
— Что?
Агата посмотрела в сторону закрытых дверей рабочего кабинета.
— Последние месяцы господин альфа проводил слишком много времени в старом обрядовом зале.
Я нахмурилась.
— Он всегда занимался защитными кругами.
— Да. Но раньше после таких обрядов вы просто чувствовали себя усталой.
Я замерла.

— А теперь?

Управляющая явно пожалела, что начала разговор.

— В последние месяцы, — осторожно произнесла она, — вы иногда не могли подняться с постели на следующее утро.

Я вспомнила.

Действительно.

Несколько раз просыпалась настолько слабой, что даже поход до ванной казался непосильным испытанием.

Ратмир объяснял это нервами.

Целитель назначал укрепляющие настои.

А я считала себя слабой и неполноценной.

— Вы что-то подозреваете? — спросила я.

Агата покачала головой.

— Я ничего не понимаю в высокой магии, госпожа. Но знаю, что раньше вы были здоровой женщиной.

Я почувствовала холод.

Очень неприятный.

И не имевший ничего общего с погодой.

— Агата, вы когда-нибудь видели мою брачную печать?

— Нет.

— А документы о ее создании?

— Они хранятся в личном архиве альфы.

Я кивнула.

Значит, следовало начинать именно оттуда.

Но не сегодня.

Сегодня у меня едва хватало сил стоять.

Мои чемоданы ждали у парадной двери.

Я проверила документы, украшения и небольшую коробку с часами.

Все оказалось на месте.

Кроме одной вещи.

Старинного материнского медальона.

Он так и не нашелся.

Я открыла шкатулку еще раз.

Проверила потайное отделение.

Пусто.

Странное беспокойство снова шевельнулось в груди.

На церемонии я видела на Элине серебряную подвеску.

Похожую.

Но точно ли?

Сестра любила такие украшения.

Вполне могла приобрести собственное.

Я закрыла шкатулку.

Не стоит превращать подозрения в доказательства.

Для этого мне пока не хватало ни знаний, ни сил.

В коридоре послышались быстрые шаги.

Я подняла голову.

Элина вошла в холл в сопровождении двух молодых служанок.

Она что-то говорила им о новой расстановке мебели, но замолчала, увидев меня.

— Мира.
Я ничего не ответила.
Ее взгляд скользнул по чемоданам.
— Ты уже уезжаешь?
— Да.
— Но куда?
— Это не имеет значения.
Элина обиделась.
Я прекрасно увидела это по лицу.
— Не обязательно разговаривать со мной так холодно.
Я медленно закрыла чемодан.
— А как ты хотела?
Она оглянулась на служанок.
Те поспешно удалились.
Мы остались вдвоем.
Элина приблизилась.
— Я слышала, что в храме произошел какой-то скандал.
— Там расторгли мой брак. Насколько я понимаю, именно этого вы и добивались.
— Мира...
— Что еще?
Она понизила голос.
— Это правда, что у тебя появилась волчица?
Я посмотрела на сестру.
— Правда.
Элина побледнела.
Но вместо поздравления я услышала:
— Почему сейчас?
Я невольно усмехнулась.
— Поверь, мне самой очень интересно.
Она сжала пальцы.
— Ратмир говорит, что после обряда потерял часть силы.
Я промолчала.
— Он очень переживает, — продолжила она.
— Представляю.
— Мира, это серьезно!
— Элина, мой муж девять месяцев изменял мне с тобой. Сегодня мы официально развелись, а во время обряда выяснилось, что со мной происходило нечто магически ненормальное. Как ты думаешь, меня сейчас больше всего беспокоит самочувствие Ратмира?
Сестра вспыхнула.
— Ты всегда умела сделать так, чтобы все вокруг чувствовали себя виноватыми.
Я смотрела на нее.
И вдруг поняла, что больше не хочу спорить.
Ни доказывать, ни объяснять.
Раньше мне казалось, что достаточно найти правильные слова, и Элина наконец поймет, какую боль причинила.
Теперь я сомневалась, что она вообще хочет понимать.
— Будь счастлива, — сказала я.
Она растерялась.
— Что?

— Ты получила мужчину, которого хотела. Получишь титул Луны. Будешь жить здесь. Это ведь то, к чему ты стремилась?

— Мира...

— Тогда постарайся хотя бы не разрушить то, что осталось.

Я взяла сумочку.

Элина неожиданно схватила меня за руку.

Волчица внутри мгновенно насторожилась.

— Подожди.

Я посмотрела на ее пальцы.

Сестра быстро отпустила меня.

— Ты ведь не собираешься рассказывать всем, что произошло между тобой и Ратмиром в храме?

Я почувствовала, как внутри поднимается усталое раздражение.

— Все присутствующие видели обряд.

— Но они могут неправильно понять.

— Что именно?

Элина не ответила.

Я наклонила голову.

— Ты боишься, что кто-то решит, будто твой истинный альфа оказался не таким могущественным?

Она побледнела еще сильнее.

И тут я поняла.

Именно этого она и боялась.

Не моего состояния.

Не загадочного пробуждения волчицы.

Даже не возможной опасности для Ратмира.

Она боялась потерять красивую жизнь, которую представляла себе последние девять месяцев.

Мне стало очень грустно.

— Прощай, Элина.

Я прошла мимо нее.

Сестра не остановила меня.

На улице начинался мелкий дождь.

Агата настояла, чтобы один из водителей отвез мои чемоданы хотя бы до Белого Уступа.

Но я уже достала из сумочки карточку Кая Норда.

Долго смотрела на телефонный номер.

Волчица внутри меня не проявляла ни малейшего сомнения.

Я же сомневалась за нас обеих.

Северный Предел.

Территория сильного альфы, о котором я почти ничего не знала.

Мужчины, которого Ратмир называл врагом.

Мужчины, признанного моей истинной парой.

Все это могло оказаться огромной ошибкой.

Но оставаться в Серебряном Бору было опасно для моего душевного спокойствия.

А может быть, и не только для него.

Я вспомнила слова Селены.

Магическая запись вашего брака содержит признаки вмешательства.

Если кто-то действительно вмешивался в мою силу, требовалось разобраться.

И желательно вдали от человека, который девять лет имел доступ ко всем моим документам, целителям и магическим обрядам.

Я набрала номер.

Отвечили после второго гудка.

— Норд.

Я невольно выпрямилась.

— Господин Норд, это Мирослава Ветрова.

Короткая пауза.

— Мирослава. Вы в порядке?

Я посмотрела на серые стены резиденции.

На мокрую дорожку.

На чемоданы возле крыльца.

— Пока да.

— Что-то случилось?

— Нет. То есть ничего нового.

Он подождал.

Не торопил.

Я медленно вдохнула.

— Ваше предложение о временном жилье еще действительно?

— Да.

— Тогда я хотела бы приехать.

В трубке что-то тихо щелкнуло.

Наверное, он закрыл дверь или убрал какой-то предмет со стола.

— Где вы сейчас?

— У резиденции Серебряного Бора.

— Сколько вещей?

Я посмотрела на чемоданы.

— Четыре чемодана и две коробки.

— Этого достаточно. Я пришлю машину.

Я напряглась.

— Не нужно. У меня есть водитель.

— Тогда я отправлю адрес и предупрежу охрану на границе.

— Спасибо.

— Мирослава.

Я замерла.

— Да?

Его голос стал немного тише.

— Вы уверены, что хотите приехать именно ко мне?

Я закрыла глаза.

Какой странный вопрос.

Ратмир обычно спрашивал, почему я еще не сделала то, что он распорядился.

Кай спрашивал, уверена ли я.

— Нет, — честно ответила я.

Он промолчал.

— Я совершенно не уверена, — продолжила я. — Но сейчас мне нужно безопасное место, где я смогу понять, что со мной происходит. И возможность уехать, если решу, что мне там не подходит.

— Все это у вас будет.

— И отдельная комната.

Я услышала короткий смешок.
— Разумеется.
— Не рядом с вашей спальней.
— Мирослава, моя резиденция достаточно велика.
Щеки неожиданно потеплели.
— Я просто уточняю.
— Правильно делаете.
Он помолчал.
— Отправлю адрес. Дорога займет несколько часов. Если понадобится остановиться, сообщите.
— Хорошо.
— И еще кое-что.
— Что?
— Вы сегодня ели?
Я посмотрела на остатки булочки, завернутые Агатой в бумажную салфетку.
— Да.
— Нормально?
— Господин Норд, вы всегда задаете столько личных вопросов незнакомым женщинам?
— Только тем, кто сегодня пережил опасный магический обряд.
Я не удержалась от улыбки.
— Тогда вам повезло. Я как раз одна из них.
— Я заметил.
На несколько секунд между нами возникла тишина.
Не неловкая.
Просто неожиданно спокойная.
Затем он произнес:
— До встречи, Мирослава.
— До встречи.
Я завершила разговор.
И только тогда поняла, что впервые за последние несколько дней не чувствую необходимости оправдываться за собственное решение.

Через двадцать минут чемоданы были уложены в багажник.
Агата принесла мне дорожную сумку с едой, теплый шарф и небольшую коробку.
— Что это? — спросила я.
Она открыла крышку.
Внутри лежал медный чайник.
Тот самый.
С потертым носиком и маленькой вмятиной на крышке.
Я рассмеялась.
— Агата!
— Я предупреждала, что он ваш.
Она вложила коробку мне в руки.
Потом неожиданно обняла.
Крепко.
По-матерински.
Я замерла.
И только через несколько секунд обняла ее в ответ.
— Берегите себя, госпожа Мирослава.

— И вы.
— Не беспокойтесь о нас. Мы справимся.
Я отстранилась.
— Только проследите за лекарствами в Бережках.
— Прослежу.
— И за ремонтом домов.
— Обязательно.
— И...
Агата покачала головой.
— Езжайте уже.
Я улыбнулась сквозь слезы.
— Хорошо.
Она отступила.
Я села в машину.
Водитель завел двигатель.
Мы медленно выехали на главную дорожку.
Я смотрела в окно.
Резиденция Серебряного Бора постепенно удалялась.
Каменные стены.
Высокие окна.
Башни, которые я привыкла видеть каждое утро.
Здесь прошло девять лет моей жизни.
Я приехала сюда молодой женщиной, уверенной, что любовь может преодолеть все.
Уезжала разведенной.
Уставшей.
С разбитым сердцем.
И волчицей, о существовании которой не подозревала.
На повороте машина замедлила ход.
Я увидела верхние этажи резиденции в последний раз.
В одном из окон стоял Ратмир.
Даже издалека я узнала его фигуру.
Он смотрел вслед автомобилю.
Я не знала, о чем он думал.
Жалел ли о случившемся.
Боялся ли потери силы.
Или уже разрабатывал способ вернуть прежнее могущество.
Впервые за много лет мне не захотелось угадывать.
Я отвернулась.
За воротами начиналась широкая дорога.
Лес тянулся по обе стороны, мокрые деревья темнели под низким небом.
Машина набрала скорость.
Я прислонилась к спинке сиденья и закрыла глаза.
Внутри меня тихо шевельнулась волчица.
— Куда? — спросила она.
Я мысленно представила холодные глаза Кая Норда.
И ответила:
— На север.
Несколько секунд стояла тишина.
Потом волчица произнесла всего одно слово:

— Хорошо.
Я улыбнулась.
А затем почувствовала, как где-то глубоко под кожей снова начинает теплеть серебряный узор.
Не больно.
Совсем иначе.
Словно мое тело пыталось вспомнить то, что когда-то умело.
Я подняла ладонь.
На запястье проступили три тонкие линии.
Они переплелись, образуя маленький знак, похожий на раскрытые ветви.
В центре на мгновение вспыхнула серебряная точка.
И погасла.
Я смотрела на руку, не в силах пошевелиться.
Волчица внутри вдруг стала совершенно неподвижной.
А потом тихо произнесла:
— Просыпаемся.
Я не знала, что именно она имела в виду.
Но почему-то поняла, что мой развод стал не концом истории.
Он лишь разрушил дверь, за которой слишком долго держали что-то живое.
И теперь эта дверь больше не запиралась.

Глава 3. Дом чужого альфы

Первое, что я увидела на границе Северного Предела, была табличка с предупреждением. «Защитные чары нестабильны. Без сопровождения не входить».

Ниже кто-то приписал углем:

«Особенно если вы уверены, что умнее местных».

Я попросила водителя остановиться.

Он посмотрел на меня через зеркало.

— Что случилось, госпожа?

— Ничего. Просто хочу немного размяться.

За последние пять часов я почти не двигалась. Сначала пыталась спать, потом разбирала сообщения, а последние полчаса смотрела на горы, постепенно выраставшие за деревьями.

Северный Предел оказался совсем не таким, каким я его представляла.

В Серебряном Бору рассказывали о непроходимых лесах, голых скалах и поселениях, где люди круглый год носили оружие.

Леса действительно были густыми. Горы тоже имелись.

Но дорога оказалась вполне приличной, а вдоль нее стояли аккуратные указатели. На одном был обозначен ближайший медицинский пункт, на другом — расстояние до торговой заставы.

Я вышла из машины.

Холодный воздух пах мокрой хвоей и камнем.

Здесь уже лежал снег.

Небольшими островками под деревьями, на обочинах и в глубоких следах тяжелых грузовых машин.

Впереди находился пропускной пункт.

Два невысоких каменных здания соединяла крытая галерея. Возле шлагбаума стояли четверо вооруженных оборотней.

Один из них заметил меня и направился навстречу.

— Добрый вечер. Ваши документы.

Я протянула свидетельство о разводе вместе с удостоверением личности.

Он просмотрел бумаги.

Остановился на фамилии.

Потом посмотрел на меня.

— Мирослава Ветрова?

— Да.

Мужчина перевел взгляд на второй документ.

Я заметила, как изменилось его выражение.

— Раньше Арден?

— Еще утром.

Он не улыбнулся.

— Подождите здесь.

Я осталась возле машины.

Водитель нервно поправил воротник.

— Может, не стоило ехать так далеко, госпожа?

— Вы же сами сказали, что дорога хорошая.

— Дорога хорошая. Но это Север.

Я посмотрела на него.

— И что?

Он понизил голос:

— Говорят, здешний альфа однажды казнил собственного советника за неподчинение.

— За какое?

Водитель растерялся.

— Что?

— Какое именно неподчинение?

— Не знаю.

— Значит, возможно, советник пытался отравить колодец или продать врагам карты укреплений.

Мужчина посмотрел на меня с явным недоумением.

— Вы шутите?

— Немного.

На самом деле мне было не до шуток.

Я совершенно не представляла, что меня ждет за шлагбаумом.

Из здания вышел второй стражник.

Молодой, с рыжеватыми волосами и заметным шрамом возле брови.

Он быстро подошел к первому.

Они обменялись несколькими словами.

После этого старший вернулся ко мне.

— Альфа Норд предупредил о вашем прибытии.

— Хорошо.

— Вас проводят до резиденции.

— Благодарю.

Мужчина помедлил.

— Госпожа Ветрова, вы действительно приехали добровольно?

Я нахмурилась.

— А это имеет значение?

— Для нас — да.

Он смотрел совершенно серьезно.

Я неожиданно почувствовала уважение.

— Добровольно.

Стражник кивнул.

— Тогда добро пожаловать в Северный Предел.

Шлагбаум поднялся.

И впервые за девять лет я пересекла границу чужой стаи не в качестве супруги Ратмира Ардена.

До резиденции Кая оставалось около сорока минут.

Впереди ехал небольшой внедорожник с северным гербом.

Я смотрела в окно и пыталась запомнить дорогу.

На склонах стояли небольшие деревянные дома. Некоторые были новыми, с яркими крышами и широкими окнами. Другие выглядели гораздо старше.

Один поселок мы проехали почти насквозь.

Здесь работала пекарня, возле которой собралась очередь. Через дорогу располагалась мастерская, откуда доносился металлический стук.

У колодца спорили две женщины.

Рядом с ними мальчик лет десяти пытался удержать огромную собаку, рвавшуюся к открытому мешку с мясом.

Сцена была настолько обычной, что я невольно улыбнулась.

— Не ожидали? — спросил водитель.

— Чего?

— Что здесь люди живут нормально.

Я посмотрела на него.

— А вы ожидали?

Он помолчал.

— Нам рассказывали всякое.

Я снова повернулась к окну.

На окраине поселка стояло здание с новыми деревянными балками. Стены нижнего этажа были каменными, а верхний, судя по цвету материалов, недавно восстановили.

Чуть дальше я заметила обугленное дерево.

Странное.

Вокруг росли молодые ели, а посреди них торчал черный ствол, словно оставленный в память о пожаре.

Через несколько минут мы проехали еще одно восстановленное здание.

Потом третье.

Я начала присматриваться внимательнее.

Здесь слишком многое было новым.

Не роскошным, не красивым.

Просто восстановленным после серьезного разрушения.

В Серебряном Бору богатые семьи иногда сносили старые дома, чтобы построить современные особняки.

Здесь новые стены появлялись рядом с уцелевшими фундаментами.

Я не знала, что произошло на этих землях.

Но явно нечто большее, чем обычная зимняя непогода.

— Это что за поселение? — спросила я.

Водитель посмотрел на указатель.

— Каменная Падь.

Я записала название в телефон.

Сама не зная зачем.

Возможно, привычка.

За годы работы в Серебряном Бору я постоянно составляла списки, отмечала населенные пункты и записывала проблемы, которые нужно было решить.

Теперь мне не требовалось заниматься чужими поселениями.

Я могла просто смотреть в окно.

Но почему-то продолжала замечать вещи, которые другие пропускали.

Волчица внутри меня шевельнулась.

Я мысленно спросила:

— Тебе здесь нравится?

Она ответила не сразу.

— Холодно.

Я едва не рассмеялась.

— Ты же волчица.

— Все равно холодно.

Я прикрыла рот ладонью.

Оказывается, собственный внутренний зверь мог быть не только загадочным и могущественным, но и весьма недовольным погодой.

Резиденция Северного Предела появилась за поворотом неожиданно.

Я ожидала увидеть замок.
Возможно, мрачный, с огромными башнями и железными воротами.
Вместо этого передо мной находилась старая каменная крепость, к которой в разные годы пристроили несколько жилых корпусов.
Она стояла на широком выступе скалы.
С трех сторон ее окружал лес, а с четвертой открывался вид на долину.
Здание выглядело сурово.
Без позолоты, мраморных статуй и декоративных фонтанов.
Зато окна светились теплым светом.
Из трубы поднимался дым.
На внутреннем дворе двое мужчин разгружали ящики с продовольствием.
Возле конюшни девушка в толстом шерстяном свитере чистила лошадь.
Я почувствовала неожиданное облегчение.
Здесь жили.
Не демонстрировали величие альфы.
Не готовились к бесконечным приемам.
Просто жили.
Машина остановилась возле широкого крыльца.
Я потянулась к дверной ручке, но водитель уже вышел.
Он открыл дверь.
— Приехали, госпожа.
Я выбралась наружу.
И сразу увидела Кая.
Он стоял возле ступеней и разговаривал с невысоким мужчиной в темном форменном пальто.
На Кае была черная рубашка с закатанными рукавами. Поверх нее — теплый жилет. Без парадной вышивки, украшений и признаков власти.
Только небольшой серебряный знак волка у воротника.
Он повернул голову еще до того, как я закрыла дверцу.
И моя волчица немедленно проснулась.
— Он.
Я мысленно вздохнула.
— Я вижу.
— Иди.
— Сейчас.
Кай спустился с крыльца.
— Мирослава.
— Добрый вечер.
Он посмотрел на меня.
Не на чемоданы.
Не на документы.
Сначала на лицо.
— Дорога была тяжелой?
— Длинной.
— Устали?
— Очень.
— Тогда сначала покажем вашу комнату. Остальное обсудим после ужина.
Я кивнула.
Его спутник внимательно наблюдал за нами.

Ему было около пятидесяти. Темные волосы с проседью на висках, тяжелый подбородок, широкие плечи.

На левой руке не хватало двух пальцев.

Он заметил мой взгляд.

Лицо сразу стало жестче.

— Борис Гран, — представил его Кай. — Мой военный советник.

— Мирослава Ветрова, — ответила я.

— Знаю.

В голосе мужчины не было ни малейшего дружелюбия.

Он посмотрел на машину.

— Это все ваши вещи?

— Да.

— Документы при себе?

— Разумеется.

— Оружие?

Я моргнула.

— Нет.

— Магические артефакты?

— Насколько мне известно, тоже нет.

Борис скрестил руки.

— Учитывая обстоятельства вашего прибытия, я обязан уточнить.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Если вас интересует, привезла ли я тайно отряд Серебряного Бора в одном из чемоданов, можете проверить.

На мгновение мужчина застыл.

Потом его губы едва заметно дрогнули.

Но улыбка так и не появилась.

Кай повернулся к нему.

— Борис.

— Я выполняю свою работу.

— В таком случае займись охраной границ. Гостю я встречу сам.

Советник сжал челюсти.

Мне показалось, что он хочет возразить.

Но Борис только коротко кивнул.

— Как скажешь.

Он отошел.

Я посмотрела ему вслед.

— Кажется, ваш советник не рад моему приезду.

— Верно.

Я повернулась к Каю.

Не ожидала такого прямого ответа.

— Вы даже не попытаетесь убедить меня в обратном?

— Зачем?

Я невольно улыбнулась.

Он продолжил:

— У Бориса есть причины настороженно относиться к людям из Серебряного Бора.

— Я уже не принадлежу этой стае.

— Он это понимает. Просто ему потребуется время.

Мне захотелось спросить, что именно произошло между нашими стаями.

Но Кай уже направился к автомобилю.
— Ваши вещи перенесут. Пойдемте.
Я последовала за ним.
На крыльце он замедлил шаг.
Не взял меня за руку.
Не попытался приобнять.
Просто убедился, что я не поскользнусь на мокром камне.
И почему-то эта осторожность тронула меня сильнее, чем могла бы тронуть демонстра-
тивная забота.

Внутри крепость оказалась теплее, чем я ожидала.
Широкий коридор.
Потемневшие от времени деревянные панели.
Каменный пол, покрытый длинными коврами дорожками.
Небольшие светильники на стенах.
На лестнице лежала стопка книг, которую явно собирались куда-то перенести, но забыли.
Из соседнего помещения доносились голоса.
Кто-то громко спорил о поставках.
Пахло свежеспеченным хлебом.
Я невольно оглядывалась.
В доме Ратмира даже слуги старались разговаривать тихо.
Здесь никто не пытался сделать вид, что все идеально.
— У нас редко бывают официальные приемы, — сказал Кай, заметив мой интерес.
— Я уже догадалась.
Он посмотрел на книги возле лестницы.
— По беспорядку?
— По тому, что вас, кажется, это не беспокоит.
— Если книги не мешают пройти, значит, проблема не самая срочная.
Я приподняла бровь.
— А если мешают?
Он остановился, поднял стопку и поставил на подоконник.
— Тогда решается за десять секунд.
Я неожиданно рассмеялась.
Кай посмотрел на меня.
На мгновение его лицо смягчилось.
Потом он отвернулся.
Мы поднялись на второй этаж.
Здесь было тише.
В конце коридора находилась большая дверь из темного дерева.
Кай открыл ее и пропустил меня вперед.
Я вошла.
Комната оказалась просторной.
Большая кровать.
Шкаф.
Письменный стол возле окна.
Два кресла перед камином.
Отдельная ванная комната.
На полу лежал светлый ковер, а на подоконнике стоял горшок с маленьким цветущим растением.

Никакой показной роскоши.
Но все было чистым, удобным и продуманным.
Я подошла к окну.
Отсюда открывался вид на лес.
Темные ели уходили вниз по склону.
Вдалеке блестела река.
— Надеюсь, вам подойдет, — сказал Кай.
Я обернулась.
— Очень красиво.
— Комната находится в восточном крыле. Здесь обычно останавливаются гости, которым требуется тишина.
— А ваши покои?
Он посмотрел на меня.
— В другом корпусе.
Я почувствовала, как щеки начинают теплеть.
— Хорошо.
— Вы просили отдельную комнату подальше от моей спальни. Я постарался выполнить пожелание.
Я отвела взгляд.
Волчица внутри меня тихо фыркнула.
Кажется, ей такое расположение комнат не понравилось.
— Спасибо, — ответила я.
Кай положил на стол небольшой металлический ключ.
— Это от вашей комнаты.
Я посмотрела на него.
— У вас двери запираются?
— Конечно.
— В резиденции альфы?
— Особенно в резиденции альфы.
Я не удержалась от улыбки.
Кай продолжил:
— Никто не войдет без стука. Даже служащие. Если захотите, можете попросить отдельный ключ от бокового выхода.
Я подняла глаза.
— Вы не собираетесь ограничивать мои передвижения?
Он помолчал.
— Мирослава, я не пригласил вас сюда в качестве пленницы.
Я почувствовала себя неловко.
— Простите. Просто привыкла уточнять.
Он посмотрел на меня внимательнее.
Но не стал расспрашивать.
— В пределах жилых кварталов можете гулять свободно, — сказал Кай. — В горах есть опасные участки и старые защитные круги. Если захотите выйти за пределы охраняемой территории, скажите дежурному. Он объяснит безопасный маршрут.
— То есть мне не нужно спрашивать вашего разрешения?
— Нет.
Я некоторое время молчала.
Потом подошла к письменному столу.
На нем лежала чистая бумага.

Рядом стояла лампа.

Все выглядело так, словно комнату подготовили для человека, который собирался не только спать.

— А сколько я могу здесь оставаться?

Кай прислонился плечом к дверному косяку.

— Пока не решите, что пора уехать.

— И вы не будете требовать платы?

— Нет.

Я повернулась.

— Это меня не устраивает.

Он чуть приподнял бровь.

— Почему?

— Потому что тогда я буду чувствовать себя обязанной.

Кай посмотрел на меня с выражением спокойного интереса.

— Что предлагаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.